

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 16

АВГУСТЪ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Волшебные башмачки. Сказка Валентина Горянского съ рис.	95
Ермакъ. Историч. повѣсть В. Радича съ рис.	102
В. М. Васнецовъ. Некрологъ Л. К.	107
Картинамъ Васнецова. Стих. А. К.	109
По бѣлу свѣту:	
Случай въ Аргентинѣ съ рис.	110
Канадская Швейцарія съ фотогр.	111
Фотографъ-любитель. Фокусное разстояніе и его глубина. Свѣтосила	113
Конкурсъ фотографовъ: снимки Али, В. Игнатъева, Мельникова и В. Ясенаса	114
Бой-скаутъ: Эстонское jamboree. Ст. скаутъ-инспектора Г. Буковского.	116
Обо всемъ понемногу:	
Угорь съ рис.	118
Море, въ которомъ нельзя утонуть	119
Современный водолазъ	120
Курьезы жизни	122
Юморъ	123
Конкурсъ задачъ	124
Объявленія	

Въ чудесномъ замкѣ молодого графа, въ одной изъ блистательныхъ его комнатъ, происходила ссора. Графиня кричала:

— Какъ? Вы будете увѣрять меня, что сегодня пятница? Среда сегодня, мой милый, — среда! Зарубите это себѣ на носу!...

— Но почему же среда, когда вчера былъ четвергъ? — скромно возражалъ графъ.

— Понедѣльникъ былъ вчера, а не четвергъ! — кричала графиня.

— Ну, хорошо, пусть такъ, но если вчера былъ понедѣльникъ, то опять-таки сегодня не среда...

Въ отвѣтъ на это вполнѣ справедливое замѣчаніе, графиня разбила драгоценную хрустальную вазу и убѣжала на свою половину.

— Ахъ, какой скверный характеръ! — вздыхалъ графъ, собирая осколки рѣдкаго художественнаго произведенія.

— Ахъ, какой скверный характеръ у нашей графини! — жаловался поваръ дворецкому послѣ того, какъ графиня вылила ему на голову не понравившійся ей соусъ.

— Ахъ, какой скверный характеръ! — говорили всѣ въ одинъ голосъ и были правы. Дѣйствительно, характеръ графини не отличался ни кротостью, ни миролюбіемъ, ни чѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ людей пріятными и удобными.

Однажды графъ вернулся изъ сосѣдняго города въ очень веселомъ расположеніи духа. Онъ купилъ у одного еврея, торговавшаго рѣдко-

стями, волшебные башмачки, обладавшіе свойствомъ сообщать той, кто ихъ носить, хорошее настроеніе.

Какъ только графиня надѣла одинъ башмачокъ, — она воскликнула:

— Какая сегодня прекрасная погода!

Графъ улыбнулся. На дворѣ дулъ неприятный вѣтеръ, и шелъ проливной дождь, огорчавшій даже лягушекъ въ пруду, которая обыкновенно относятся къ непогодѣ съ полной доброжелательностью.

Когда графиня надѣла второй башмачокъ, — она поцѣловала мужа и промолвила:

— Милый, прикажи слугамъ обратиться въ голубомъ залѣ. Я хочу поблагодарить ихъ за вѣрную службу и одѣлать подарками. Я давно собиралась это сдѣлать, но, къ стыду моему, слишкомъ много тратила времени на свои туалеты...

Слуги въ этотъ вечеръ показывали другъ другу подарки своей госпожи и говорили между собой:

— Что за ангелъ — наша графиня! Посмотрите, какое колечко дала она мнѣ своими собственными руками.

— Лучше нашей графини нѣтъ никого на свѣтѣ! — говорила старая горничная. — Такой кусокъ шелку! Какъ вы думаете, сколько онъ стоитъ?

— Наша графиня, какъ солнце! — шамкалъ дворецкій, пересчитывая въ сотый разъ золотыя монеты, полученные имъ отъ госпожи.

Слуги были чисты сердцемъ, благодарны и незлопамятны: прекрасныя качества простыхъ людей.

Въ лѣсу, окружавшемъ замокъ графа, жилъ бородатый, рогатый и кривоногий лѣшій. Онъ былъ очень доволенъ своей внѣшностью и нерѣдко спускался къ озеру, гдѣ, взгромоздившись на дерево, заглядывалъ въ зеркало спокойныхъ водъ и размышлялъ вслухъ:

— Какой же я, однако, красавецъ!

Даже въ своей кривой ногѣ онъ находилъ достоинства:

— Цѣнно то, что рѣдко встрѣчается, — философствовалъ онъ: — лѣшихъ съ прямыми ногами больше, чѣмъ съ кривыми. Выводъ простой: кривыя ноги лучше прямыхъ. Покѣйной ночи, прелесть моя! — кричалъ онъ своему отображенію и уходилъ въ чащу довольный всѣмъ рѣшительно и особенно самимъ собой.

Лѣшій жилъ одиноко и, когда ему предлагали жениться, — говорилъ:

— Это, конечно, хорошо! Хорошо обзавестись семейкой, но вѣдь я почти ребенокъ, — мнѣ едва исполнилось шестьсотъ лѣтъ, и я еще со всѣмъ не знаю жизни...

«Вотъ именно ребенокъ! — думали всѣ. — Борода по-колѣно и половины зубовъ во рту не хватаетъ».

Но это только такъ думали, т. к. сказать было опасно. Лѣшій былъ добръ, но весьма горячь на руку. Во всякомъ случаѣ, въ чащѣ лѣсной не было существа счастливѣе его, влюбленнаго въ себя, пользующагося полной взаимностью и отнюдь не имѣющаго соперниковъ.

Спустя два года послѣ того, какъ графиня приобрѣла волшебныя башмачки и успѣла осчастливить печеніями своими двѣсти шестьдесятъ пять чelовѣкъ, — снова лѣшаго въ лѣсу уговаривали жениться семейные его друзья и достигли того, что вынудили у него наконецъ согласіе.

— Хорошо. Будь по вашему! Я

женюсь, но только одно меня оставиваетъ: а вдругъ у моей жены окажется скверный характеръ. Тогда она день и ночь будетъ ворчать на меня или даже, чего добраго, однажды полѣзетъ драться. А вѣдь я еще...

— Знаемъ, знаемъ! — закричали друзья. — Еще почти ребенокъ и еще не исполнилось шестисотъ лѣтъ. Пожалуйста, не безпокойся — женятся и раньше... А на счетъ дурного характера, — продолжали любители попить на чужой свадьбѣ, — на счетъ дурного характера будущей жены не стоитъ и говорить. Развѣ ты не слыхалъ о чудесныхъ башмачкахъ молодой графини? Раздобудь ихъ и смѣло женись на одной изъ русалокъ нашего озера. Женись, голубчикъ! Женись, пожалуйста!..

— Ну-ну! Я согласенъ. Но прежде разрѣшите мнѣ все-таки раздобыть эти самые башмачки...

На этомъ и порѣшили.

Недалеко отъ замка графа былъ еще одинъ замокъ, въ которомъ проживалъ злой баронъ со своей не менѣе злой женой-баронессой. Не замѣчая, какъ это всегда бываетъ, дурныхъ качествъ собственнаго характера, баронъ очень возмущался характеромъ своей жены и, узнавши о волшебныхъ башмачкахъ графини, задумалъ отомстить графу за его счастье — графу, котораго онъ ненавидѣлъ такъ, какъ всѣ злые ненавидятъ добрыхъ.

— Ужъ я ему покажу! Ужъ я устрою гадость этому веселому лицу, который роняетъ наше аристократическое достоинство, обращаясь со своими слугами и крестьянами такъ, какъ будто всѣ они по крайней мѣрѣ его кузены. Ужъ я ему покажу! А заодно приобрѣту волшебныя башмачки для моей жены, такъ какъ характеръ у нея поистинѣ ужасный.

Баронъ задумалъ коварный планъ и немедленно же приступилъ къ его исполненію. Онъ отправился въ городъ, разыскалъ еврея, про-

давца рѣдкостей, и повелъ съ нимъ хитрую бесѣду.

— Я очень люблю евреевъ, — сказалъ онъ, — и уважаю вашу библію. Замѣчательно толстая книга!

Простодушный еврей благосклонно поглядѣлъ на барона.

— Я очень люблю евреевъ, — продолжалъ баронъ, — они лучшіе антиквары, оптики и золотыхъ дѣлъ мастера.

— Я вамъ скажу, для чего онъ купилъ у васъ башмачки. Онъ извергъ и тиранъ...

— Вы забыли упомянуть о портныхъ и адвокатахъ, — съ гордостью замѣтилъ еврей.

— И часовщикахъ, — добавилъ баронъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ польщенный въ своихъ лучшихъ чувствахъ продавецъ рѣдкостей.

И вотъ баронъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ оклеветалъ графа.

— Вы знаете, для чего онъ ку-

пилъ у васъ башмачки? Я вамъ скажу для чего. Онъ извергъ и тиранъ. Онъ ненавидитъ свою несчастную жену, которая все-таки до сихъ поръ не давала ему потачки, а теперь, когда характеръ ея сдѣлался еще болѣе милъ и уступчивъ, онъ окончательно погубитъ ее...

Добрый еврей пришелъ въ негодованіе.

— Надо проучить графа! — сказалъ баронъ.

— Ну, конечно, надо его проучить, — поддержалъ еврей съ полной готовностью.

— Нѣтъ ли у васъ такихъ башмачковъ, которые бы обладали совершенно обратнымъ свойствомъ, въ сравненіи съ тѣми, которые вами уже проданы графу.

— Имѣются, — подумавши немного, сказалъ еврей: — женщина, надѣвшая ихъ, дѣлается настоящимъ чортомъ. Кромѣ того, разъ надѣвши башмачки, снять ихъ уже невозможно.

— Это восхитительно! — восклик-

нулъ баронъ и открылъ еврею свой планъ: — я украду, — сказалъ баронъ, — башмачки у графини. Они пригодятся моеи женѣ. Графъ, конечно, прѣдетъ къ вамъ купить новые. Продайте ему вашу вторую пару, и негодяй будетъ наказанъ за жестокое обращеніе съ женщиной.

Лѣшій хорошо говорилъ по-человѣчески, хотя, правда, съ небольшимъ акцентомъ.

Баронъ вынулъ изъ кармана кошелекъ съ золотомъ и хотѣлъ отдать его еврею, но раздумалъ.

— Не правда ли, — вамъ не надо платить? Вѣдь у насъ съ вами чисто идейное дѣло.

Еврей вздохнулъ и съ сожалѣніемъ согласился.

Графъ и графиня гуляли въ саду, когда къ нимъ подошелъ лѣшій, производившій впечатлѣніе очень стараго, хромоногаго и бородатаго человѣка. Лѣшій даже хорошо говорилъ по-человѣчески, развѣ только съ небольшимъ акцентомъ.

— Милостивый господинъ, я — садовникъ. Не хотите ли взять меня къ себѣ на службу? — вѣжливо сказалъ лѣшій.

— У меня девять садовниковъ, — отвѣтилъ на это графъ, — но и десятый не будетъ мнѣ лишнимъ. Оставайся, старикъ, послужи, покажи свое искусство.

Лѣшій остался на службѣ у гра-

фа и, взглянувши на башмачки графини, подумалъ:

«Хорошіе башмачки, но и графъ съ графиней — люди очень хорошіе. Сегодня же башмачки будутъ мои. Жаль, что я пришелъ сюда въ качествѣ злоумышленника. Необходимо какъ-нибудь вознаградить этихъ милыхъ супруговъ за ихъ потерю».

Лѣшій принялся за работу, закуривши трубку табаку, пригостившаго имъ самимъ изъ молодыхъ листочковъ дурмана и пропитаннаго пчелинымъ медомъ.

На ароматъ выпускаемаго лѣшнимъ дыма слетѣлись пчелы, бабочки, жуки, зяблики, дрозды, малиновки и всѣ другіе обитатели сада.

Слуги графа, пришедшіе поглядѣть на работу новаго садовника, одинъ за другимъ задремали подъ дѣйствіемъ этого волшебнаго аромата и сладко уснули въ тѣни деревьевъ, на газонахъ и просто на дорожкахъ, возлѣ клумбъ.

Графъ съ продолжительнымъ удовольствіемъ зѣвнулъ и смутился. Первый разъ въ жизни онъ позволилъ себѣ подобную неучтивость въ присутствіи своей супруги; онъ хотѣлъ уже принести тысячу извиненій, но не успѣлъ произнести даже одного, такъ какъ бессильно склонился на садовую скамью и уснулъ. Но графиня даже не могла обидѣться. Она уснула еще раньше графа.

Прекрасные сны, полные музыки, свѣта и красокъ, слетѣли на всѣхъ уснувшихъ. Графъ и графиня видѣли, будто качаются они на вѣтвяхъ ароматной березы, высоко-высоко надъ землей. Голубое небо, золотое солнце, а кругомъ изумрудныя поля.

Лѣшій работалъ и курилъ. Дымъ красивыми кольцами вылеталъ изъ-подъ его усовъ, всюду распространяя необычайное благоуханіе. Черезъ короткое время всѣ обитатели замка спали крѣпчайшимъ сномъ. Только птицы, насѣкомыя и животныя рѣзвились, пѣли, бѣгали и жужжали кругомъ, наполняя

окрестность великолѣпными звуками.

Лѣшій, проявляя необыкновенное рвеніе, копалъ и поливалъ, подвязывалъ цвѣты и надсѣкалъ фруктовыя деревья.

Еще далеко было солнце до запада, когда лѣшій кончилъ тайственную свою работу. Онъ подошелъ къ спящей графинѣ и снялъ съ ея ногъ драгоценныя башмачки.

Чего ни сдѣлаешь подъ вліяніемъ друзей. Повидимому, лѣшій серьезно рѣшилъ жениться.

Что случилось въ саду? Ни графъ, ни графиня, ни многочисленныя слуги ихъ не вѣрили своимъ глазамъ, раскрывшимся наконецъ послѣ чаръ, навѣянныхъ чудеснымъ садовникомъ.

На клумбахъ цвѣли удивительныя цвѣты, необычайныхъ размѣровъ, источающіе сладчайшій ароматъ. Все это были обыкновенныя цвѣты, но незабудки достигли величины подсолнечниковъ. Въ лепесткахъ душистаго горошка могла бы укрыться пара голубей, а на цвѣткѣ бѣлой ромашки вполне умѣстился бы котенокъ и еще осталось бы мѣста поиграть и попрыгать.

То же самое произошло и съ плодами. Груши и яблоки поражали взглядъ, а вишни, каждая не меньше зрѣлаго апельсина, чуть не лопались отъ переполниваемаго ихъ пунцоваго сока.

Старый дворецкій измѣнилъ наконецъ вѣчной своей діетѣ. Онъ вмѣстѣ съ остальными принялся лакомиться этой благодатью и ни разу потомъ не пожаловался на желудокъ.

— Но гдѣ же твои башмачки? — воскликнулъ графъ, замѣтя, что башмачки на ногахъ его супруги отсутствовали. — Гдѣ же они?

— Не знаю, мой дорогой, — отвѣтила графиня, увлеченная наливной, бархатной грушей, — не понимаю, гдѣ я ихъ могла потерять.

Но графъ уже все понялъ. Онъ понялъ, что въ садовникахъ у него

побывалъ нѣкій добрый волшебникъ, который похитилъ чудесныя башмачки, вынужденный, повидимому, къ этому некрасивому поступку какой-то серьезной необходимостью.

Хотя настроеніе графини не измѣнилось отъ пропажи башмачковъ, какъ слѣдовало бы этого ожидать, все-таки графъ немедленно же осѣдлалъ лошадь и помчался къ еврею, продающему рѣдкости.

«Скорѣй надо купить еще такіе же башмачки и вручить ихъ графинѣ», думалъ графъ, которому все не улыбалась возможность опять сдѣлаться жертвой дурного характера своей прелестной супруги.

Старый еврей глядѣлъ въ окно своей лавочки, когда вдругъ съ оживленностью, совершенно неприличной для его возраста, воскликнулъ:

— Жена, поди сюда! Я покажу тебѣ самаго жестокаго мужа въ свѣтѣ.

— Да вѣдь это же графъ, которому ты недавно продалъ волшебныя башмачки.

— Удивительно, какъ ты скоро его узнала! — съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сказалъ еврей. — Да, это онъ. И я очень жалѣю, что продалъ ему башмачки. Теперь жена его стала тихой, кроткой и миролюбивой женщиной, совершенно не способной противостоять его грубостямъ. Я, кажется, догадываюсь, зачѣмъ онъ опять идетъ къ намъ. Иди, иди! Я уже приготовилъ тебѣ нѣчто...

Послѣднія слова еврей произнесъ тогда, когда графъ былъ уже подлѣ воротъ и слѣзалъ съ лошади.

Стоить ли говорить о томъ, что еврей въ точности выполнилъ все именно такъ, какъ было условлено у него съ барономъ.

Къ появленію первыхъ звѣздъ на вечернемъ небѣ, графъ прискакалъ въ свой замокъ и, войдя въ спальню мирно спавшей графини, поста-

вилъ новую пару волшебныхъ башмачковъ подлѣ ея кровати.

«Похититель былъ добръ», размышлялъ графъ: «онъ оставилъ намъ чудесные цвѣты и плоды замѣнъ похищеннаго, но плоды созреютъ и упадутъ; цвѣты потеряютъ свои лепестки, и вѣтеръ развеетъ ихъ во всѣ стороны. Настроение супруги моей опять измѣнилось бы къ худшему, но теперь я снова могу быть спокойнымъ»...

Графъ ушелъ къ себѣ и принялся за разборъ книгъ богатой своей библиотеки. Увлеченный работой, онъ не услышалъ подозрительнаго шума въ саду.

Злой баронъ взобрался на высокой каштанъ, росшій подлѣ самой стѣны и касавшійся одной изъ вѣтвей окна графининой спальни.

Минута только понадобилась барону, чтобы проникнуть туда и украсть башмачки, которые онъ бережно спряталъ у себя на груди...

Бѣдняга! Онъ даже не подозрѣвалъ того, что попалъ въ яму, такъ внимательно выкопанную имъ своему близкому. Такъ, такъ! Спѣшите, господинъ баронъ. Васъ на утро ожидаетъ сюрпризъ, который вамъ едва ли придется по сердцу. Спѣшите, господинъ баронъ!...

Графъ былъ въ полномъ отчаяніи, когда утромъ убѣдился въ новой пропажѣ.

— Ахъ, какое несчастье! — воскликнулъ онъ. — Вѣдь это была послѣдняя пара у еврея. Ахъ, какое несчастье!

— Что случилось? — спросила графиня, открывая глаза.

— Я досталъ для тебя вторую пару волшебныхъ башмачковъ, и вотъ они вновь пропали...

— Мой дорогой, — сказала графиня, — я тоже искренно огорчена этимъ. Мнѣ, дѣйствительно, очень хочется теперь же устроить тебѣ какую-нибудь, хотя бы маленькую, неприятность. Скажешь злое слово, или что-нибудь разбить. Но ты не бойся! Я сама понимаю, какой скверный у меня характеръ и, пока

окончательно не разсердилась, побѣгу въ садъ. Тамъ такіе удивительные цвѣты и такіе великолѣпные фрукты, что при взглядѣ на нихъ все дурное въ моемъ сердцѣ исчезнетъ.

У графини, несомнѣнно, было очень развито чувство справедливости, но гнѣвъ уже волновалъ ее, и она быстро, быстро побѣжала въ садъ, желая предупредить его проявленіе. И все-таки не могла сдержаться графиня.

— Пусти, неуклюжій дуракъ! — крикнула она графу, который, случайно остановившись въ дверяхъ, мѣшалъ ей пройти.

На лѣстницѣ она встрѣтила дочь старшаго повара и съ большимъ удовольствіемъ отскочила за жиденькую косичку.

Но больше уже никто не пострадалъ въ этотъ день. Графиня вышла въ садъ и въ восторгѣ стала цѣловать чудесные цвѣты и лакомиться необыкновенными плодами.

Опять къ ней вернулось хорошее настроеніе и всѣ ея подлинныя милыя качества. Ей такъ нравилось теперь гулять въ саду, что она попросила слугъ немедленно же устроить ей здѣсь палатку. Слуги выполнили это съ отмѣннымъ стараніемъ. Во-первыхъ, просьба графини сопровождалась такой пріятной улыбкой, а во-вторыхъ, это было въ ихъ же собственныхъ интересахъ.

— Я приготовилъ вамъ подарокъ, баронесса, — сказала злой баронъ своей женѣ и галантно добавилъ: — позвольте ваши ножки. Я самъ надѣну вамъ эти изящныя туфельки.

Но такъ только говорилъ баронъ, а думалъ чуть-чуть иначе:

«Ну, ну! Напяливай эти сапожки, вѣдьма съ лысой горы. Теперь ты станешь уступчива, какъ овечка, и я во всемъ смогу настаивать на своемъ».

Такая несогласованность словъ и мыслей встрѣчается у людей, между прочимъ, гораздо чаще, чѣмъ это всѣ думаютъ.

Баронесса хмуро взглянула на мужа, подозрѣвая съ его стороны какое-нибудь предательство, но башмачки выглядѣли такъ нарядно и такъ привлекательно, что она милостиво протянула ногу колѣбно-преклоненному барону.

Но едва только былъ надѣтъ одинъ башмачокъ, какъ баронесса злобно закричала:

— Какіе у васъ противные усы, баронъ! Какъ вамъ не стыдно носить такую мерзость! — жена дернула супруга за усы, причинивши ему изрядную боль.

Злой баронъ пришелъ въ полное недоумѣніе отъ неожиданныхъ результатовъ примѣрки, но баронесса дала ему очень мало времени для углубленія этого чувства и, быстро надѣвши второй башмачокъ, пришла въ крайнее бѣшенство.

Мало того, что она набросилась на него съ самыми оскорбительными и унижающими мужское достоинство словами — мало того. Она схватила камышевую трость и, осыпая барона ударами, повела на него такую атаку, что супругъ вынужденъ былъ отступить на неприготовленныя заранѣе позиціи, т. е. въ уголъ комнаты, гдѣ и было нанесено ему окончательное поражение.

Невѣста произвела на жениха неотразимое впечатлѣніе.

— Прежде, чѣмъ жениться, я хотѣлъ бы поглядѣть на невѣсту, — сказалъ лѣшій своимъ друзьямъ. — Ваше дѣло маленькое. Погуляли на свадьбѣ, напились — наѣлись каждый кому сколько вздумается и все, а мнѣ придется, быть можетъ, каяться цѣлую жизнь...

Лѣшій былъ глубокой пессимистъ въ отношеніи брака и очень возмущалъ этимъ лѣсную публику.

Невѣста была дальней родственницей водяного и жила въ озерѣ. Тамъ на берегу и должно было произойти знакомство.

Невѣста подплыла къ прибрежному камню, на которомъ сидѣлъ лѣшій. Русалка произвела на борода-таго жениха неотразимое впечатлѣніе.

— Вы мнѣ очень понравились, сударыня, — сказалъ лѣшій: — долженъ вамъ признаться, что вы — прямо прелесть. Разрѣшите преподнести вамъ свадебный подарокъ — вотъ эти башмачки. Примѣрьте ихъ немедленно. Я хочу убѣдиться, что они вамъ впору.

Невѣста сконфузилась, покраснѣла и пришла въ замѣшательство.

— Пожалуйста, — просилъ лѣшій, — не стѣсняйтесь! Повѣрьте, что я самъ сошелъ бы къ вамъ, но ужасно боюсь воды. И, кромѣ того, башмачки въ водѣ могутъ испортиться.

Но невѣста никакъ не рѣшалась выйти на берегъ, а когда присутствующіе съ милыми шутками и поощрительными замѣчаніями вытаскивали ее на берегъ — лѣшій воскликнулъ:

— Какъ? У нея рыбій хвостъ? А гдѣ же ноги? На что же я при-

мѣрю ей башмачки? На какое мѣсто? Я ужъ не говорю о кривыхъ, какъ у меня, но хотя бы прямыя ноги у нея были. Въ крайнемъ случаѣ даже одна нога могла бы исправить дѣло, а то — рыбій хвостъ! Фу, какая гадость!...

Лѣшій возмущенно плюнулъ и ушелъ ковыляя въ чащу, оставивши невѣсту въ слезахъ, а гостей въ огорченіи.

Рано утромъ графиня проснулась въ своей палаткѣ въ саду и, выйдя изъ нея, увидѣла свои башмачки висящими на кустѣ розъ, цвѣвшихъ у самаго входа.

— О, какое счастье! — воскликнула графиня.

— О, какое счастье! — воскликнулъ графъ.

Онъ немедленно же сталъ надѣвать башмачки своей милой женѣ на крошечныя ножки.

— А это что?

Въ одномъ изъ башмачковъ ле-

жала записка, написанная, правда, съ ошибками, но вполне толково и ясно.

«Жениться раздумалъ. Башмачки за ненадобностью съ благодарностью возвращаю».

Записка и удивила, и разсмѣшила супруговъ, которые съ этихъ поръ зажили прекрасной жизнью, радуя окружающихъ, всѣхъ любя и обо всѣхъ заботясь.

Каждую весну въ графскомъ саду снова и снова цвѣли необыкновенныя цвѣты, а осенью созрѣвали необычайныя фрукты, на память о кривоногомъ садовникѣ.

Что же касается злого барона, то путники, проѣзжающіе мимо его мрачнаго замка, всегда слышатъ тамъ шумъ, плачь и крики... Это баронъ ссорится со своей женой, — и путникъ торопитъ коня, чтобы скорѣе миновать это неприятное мѣсто.

Историческая повѣсть В. Радича.

I.

По зеркальной поверхности Волги, вблизи Костычевыхъ горъ, медленно скользила казацкая флотилія. Десятокъ легкоходныхъ, надежно оснащенныхъ струговъ вытянулся въ длинную ленту, оставляя за собой вспѣнную серебристую борозду.

На веслахъ сидѣли загорѣлые гребцы въ разноцвѣтныхъ вылинявшихъ и порядкомъ изорванныхъ рубахахъ. Они еле шевелили весла-

ми, предоставляя главную работу теченію.

У правилъ стояли рулевые; ихъ лица и мускулистыя, по локоть обнаженныя руки тоже были покрыты густымъ загаромъ.

Кромѣ гребцовъ и рулевыхъ, струги были переполнены народомъ, и каждое судно вмѣщало человекъ тридцать-сорокъ, не меньше. Здѣсь были и юноши съ еле пробивающимся пушкомъ на подбородкахъ, попадались и борода, пе-

ревитыя сѣдиной; но людей пожилыхъ было мало, а старцевъ и во все не было. Большинство составляли люди среднихъ лѣтъ.

При самомъ бѣгломъ взглядѣ на флотилію, каждый невольно обратилъ бы вниманіе на разношерстность этого народа.

Здѣсь былъ и чистокровный русакъ съ сѣрыми, широко разставленными глазами и рыжеватой окладистой бородкой; были и бородастые яйцкіе казаки съ энергичными лицами, заросшими до самыхъ бровей; попадались и калмыки съ черными узкими глазками и блестящими выдающимися скулами; немало было чубатыхъ допцовъ, а еще больше волжскихъ бурлаковъ, успѣвшихъ растратить, гуляя всю жизнь на широкомъ рѣчномъ просторѣ, свои національныя и мѣстныя черты.

Ихъ лица, руки и распахнутыя навстрѣчу всѣмъ вѣтрамъ груди давно почернѣли, чуть ли не обуглились и покрылись рѣзкими, глубокими морщинами. Только простодушныя прибаутки да рвущія за сердце пѣсни показывали, что это настоящіе русскіе люди, выбитые желѣзнымъ молотомъ судьбы изъ правильной колеи, промѣнявшіе боярское поле на широкій волжскій просторъ, и ушедшіе искать вольной-волюшки — лучшей доли.

Тяжела и горька была порою жизнь бурлацкая, но все же она куда привлекательнѣй подневольнаго холопскаго житья. Голодъ и холодъ порой преслѣдуютъ бурлака, но спина его не знаетъ ременныхъ плетей, не знаетъ и хозяйской тяжелой дубинки.

На стругахъ не было ни ящичковъ, ни бочекъ, ни тюковъ съ товарами. Сразу было видно, что идетъ не купеческій караванъ. На внутреннихъ бортахъ судовъ были развѣшены мечи, сабли, пищали да длинныя фузеи съ мѣдными дулами и фитилями вмѣсто курковъ. На кормахъ подъ правилами были сложены болѣе тяжелые ратные доспѣхи. Здѣсь валялись брони, кольчуги,

шишаки и наличники; лежали тяжелые бердыши и запасы свинца. Грузъ этотъ осаживалъ корму и поднималъ носовую часть судна, что способствовало легкости хода.

Оружіе было набрано, по половицѣ, съ бору да съ сосенки; изгрызло его время, покрыла ржавчина, но въ умѣлыхъ опытныхъ рукахъ эти мечи и пищали были грозны и наводили страхъ на врага.

На переднемъ стругѣ, впереди гребцовъ, на возвышенной площадкѣ, стоялъ средняго роста стройный казакъ съ черной бородой; изъ-подъ сдвинутой на затылокъ шапки выбивались пряди черныхъ, какъ вороново крыло, кудрей; его свѣтлые, пронизательные глаза были устремлены вдаль, и хотя косые лучи заходящаго солнца ослѣпительно блестяли, отражаясь въ рѣкѣ, но казака этотъ яркій отблескъ, видимо, нисколько не беспокоилъ. Онъ какъ орелъ могъ глядѣть и на самое солнце не мигая. По осанкѣ, по наряду, по острому взгляду свѣтлыхъ глазъ этотъ человекъ отличался отъ окружающей голытьбы. На немъ былъ кафтанъ изъ тонкаго нѣмецкаго сукна; изъ-подъ кафтана выглядывала алая рубаха, перехваченная серебрянымъ наборнымъ кушакомъ; широкія шаровары, сафьяновые цвѣтные сапоги и красноверхая шапка — все это выделяло его и вмѣстѣ съ тѣмъ усилило его и безъ того красивое, полное желѣзной энергіи лицо.

Кто же былъ этотъ удалецъ, ведущій за собой цѣлую ораву буйной волжской голытьбы? кто онъ?...

Звали его Василемъ, по отчеству Тимофеевичемъ, а по прозванью Ермакомъ; такъ въ приволжскихъ артеляхъ котлы прозываются, въ которыхъ кашу варятъ.

И Ермакъ не всегда ходилъ въ кафтанахъ изъ тонкаго нѣмецкаго сукна да въ сафьяновыхъ сапогахъ съ серебряными подковами. Зналъ онъ и бѣдность, и нужду.

Погоня за кускомъ хлѣба загнала его отца далеко отъ родного Владимира, и очутился онъ въ чужой сто-

ровѣ, на рѣкѣ Чусовой, у богачей братьевъ Строгановыхъ, гдѣ пришлому человѣку трудно было прокормиться трудами рукъ своихъ.

Здѣсь, въ строгановской вотчинѣ, и родился Ермакъ Тимофеевичъ. Но не по сердцу пришлась ему тяжелая отцовская работа. Много силъ таялось въ душѣ его, и тайный немолчный голосъ звалъ его и днемъ, и ночью въ невѣдомую даль. Тѣсно и душно было ему въ родномъ гнѣздѣ. Захотѣлось ему взглянуть на свѣтъ Божій, и нанялся онъ на камскую барку бурлакомъ.

Многоводная Кама и широкая, величавая Волга сразу плѣнили юншу своимъ раздольемъ, и въ пылкой головѣ его зашевелились смѣлые, отважные планы.

«Неужели для того я родился на свѣтъ, чтобы быть кашеваромъ въ бурлацкой артели?» думалъ Ермакъ въ безсонныя ночи, прислушиваясь къ лепету волнъ. «Я искалъ вольной волюшки, и что нашель? Работа отъ зари до зари, то же подневольное житье, что и дома. А не угодилъ хозяйскому ставленнику — дубинкой огрѣветъ... Всякій купчишка надъ тобой, бурлакомъ, ломается... На Дону, сказываютъ, привольное житье, коли есть голова на плечахъ, у донцовъ можно въ люди выйти, человѣкомъ стать».

Мысль о далекомъ малоизвѣстномъ Донѣ все чаще и чаще являлась въ пылкой головушкѣ; и кончилось тѣмъ, что Ермакъ бросилъ бурлацкую лямку, распростился съ угрюмой Камой, сказалъ прости красавицѣ-Волгѣ и ушелъ на Донъ.

Надежда не обманула его. Станичники скоро оцѣнили недюжинныя способности своего гостя, его бойкость и умъ. Немного времени прошло, а Ермакъ уже сталъ не простымъ казакомъ: товарищи прокричали его старшиной на сходѣ. Другой казакъ до старости добивался этой чести, а Ермаку она съ неба свалилась.

И что же, успокоился вчерашній бурлакъ, удовлетворился?... Ничуть не бывало...

Надъ старшиной стоятъ атаманы, да и со станичнымъ людомъ нужно жить въ ладу, а Ермакъ мечталъ не о такой волѣ.

Къ старшинѣ по ночамъ стали хаживать удалцы, недовольные станичными порядками. Никто не зналъ, о чемъ они перешоптывались съ Ермакомъ, но результаты этихъ свиданій не замедлили сказаться.

Ермакъ неожиданно появился среди донцовъ, такъ же неожиданно-негаданно онъ и скрылся, уведя съ собой цѣлую ватагу отборныхъ молодцовъ. Вмѣстѣ съ бѣглецами уплыли и доспѣхи ратные.

Потолковали станичники объ ушедшихъ товарищахъ и забыли ихъ; но Ермакъ вскорѣ напомнилъ о себѣ.

Прилетѣли вѣсти съ Волги, что ни купцамъ, ни государевымъ людямъ проѣзда нѣтъ: грабятъ и убиваютъ ихъ лихіе люди, а главнымъ атаманомъ людей этихъ — какой-то Ермакъ.

Смекнули донцы, куда старшина увелъ ихъ товарищей. Старики укоризненно покачали головами, а молодежь съ ревностью подхватывала каждую случайную вѣсть о новомъ подвигѣ удалого атамана. Иная горячая голова, наслушавшись разсказовъ объ этихъ подвигахъ, исчезала безслѣдно изъ станицы, и шайка Ермака пополнялась все свѣжими силами.

Къ нему шли не только донцы. Всякій бѣглець, ищущій себѣ вольной волюшки, былъ у него желаннымъ гостемъ. Только трусамъ и бабамъ не было мѣста въ лихой шайкѣ; но они и не шли сюда, — имъ здѣсь нечего было дѣлать.

Главаремъ шайки былъ Ермакъ, а сподручными атаманами у него были Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловичъ, Матвѣй Мещерякъ и Никита Пань.

Слово главаря было закономъ не только для рядовыхъ «товарищей», но и для атамановъ. Вотъ кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ...

II.

Солнце опускалось все ниже и ниже. Вотъ полымемъ вспыхнуло зеркало рѣки, но прошла минута, другая, — и краски поблѣднѣли на всемъ. Рѣка впереди казалась вылитой изъ мѣди и застывшей; песчаные берега снова пожелтѣли, и только западъ горѣлъ, сохраняя послѣдній отблескъ закатившагося солнца.

Надвигался вечеръ.

— Не пора ли, соколики, къ причалу? — обратился Ермакъ къ атаманамъ.

— Твоя воля, атаманъ, — отвѣтилъ Иванъ Кольцо, стоявшій вблизи Ермака.

— Оно рановато, — проворчалъ Мещерякъ и сейчасъ же добавилъ: — до ночи далеко...

— Молодцамъ надоть ноженьки поразмять, — больно засидѣлись, — откликнулся Никита Панъ.

Раздалась команда «къ причалу», и передній стругъ, описавъ дугу, врѣзался носомъ въ песчаную отмель выступающаго впередъ мыса; за нимъ потянулись остальные струги, и небольшая флотилія, будто стая рѣчныхъ птицъ, осѣла вдоль берега.

Засидѣвшіеся люди пріободрились. Одни таскали со дна струговъ запасы валежника, другіе раскладывали костры, собираясь готовить варево, а большинство бросилось въ воду, оглашая воздухъ фырканиемъ, смѣхомъ и криками. Можно было подумать, что это не удалъцы знаменитой, грозной разбойничьей ватаги, а ребятишки-школьники, пришедшіе выкупаться и порѣзвиться на свободѣ.

Вспыхнули костры, и надъ берегомъ протянулась синеватая дымка. Запахъ варева дразнилъ аппетиты, нѣкоторые уже взялись за ложки, но вдругъ раздался призывной свистъ атамана. Зашевелилась ватага и понадвинулась къ пригорку, на которомъ стоялъ Ермакъ, окруженный группой казаковъ. Немногіе плескавшіеся еще въ водѣ поспѣшили выскочить на берегъ.

— Къ намъ пожива идетъ! — объявилъ атаманъ. — Два струга спустить на воду... На первомъ пойдетъ Мещерякъ, на второмъ Панъ со своими молодцами... Поглядимъ, кого Волга-матушка къ намъ въ гости шлетъ.

Два струга, наполненные молодцами, всплывили воду и понеслись наперерѣзъ медленно идущей баркѣ. Рабочіе вели ее лямкою, и она выступала въ сумеркахъ еле замѣтной полоской у противоположнаго берега.

Сумерки сливались съ ночью и вскорѣ набросили непроницаемую пелену и на барку, и на струги. Замолкъ однотонный стукъ весель о еловые кочета.

Ватага оставила костры, забыла о варевѣ и, столпившись у самой воды, съ напряженнымъ вниманіемъ ждала возвращенія своихъ.

Всюду тишина. Только слышно, какъ мелкая зыбъ набѣгаетъ на песчаную отмель, и въ темнотѣ кажется, что это не вода плещетъ, а дышитъ какое-то огромное чудовище, притаившееся подъ покровомъ ночи.

Вотъ будто крикъ пронесся надъ водой, и снова все стихло... Время летѣло быстро, но всѣмъ казалось, что оно застыло, замерло.

Вдругъ среди этой зловѣщей тишины ясно, отчетливо раздался знакомый всѣмъ стукъ весель.

— Наши идутъ! — раздался голоса, и народъ еще ближе понадвинулся къ водѣ.

Порой кажется, что весла стучать совсѣмъ близко; но проходитъ минута, другая — и обманъ слуха открывается.

— Идутъ! идутъ!.. близко... — снова заволновалась толпа.

— Слышите, братцы, вода-то какъ журчитъ...

— Видно, хорошаго осетра подцѣпили на острогу.

— Барку въ гости ведутъ на арканѣ, — радостно вскрикнулъ молодой казачокъ, недавно покинувшій родную станицу.

— Чего глотку дерешь? — обор-

валъ его восторги бородастый яцкій есаулъ.

— Барку, дяденька, тащатъ... — какъ бы оправдываясь, повторилъ казачокъ.

— Не ты ее взялъ, не ты ведешь, ну, и помалкивай.

— Да я очень хотѣлъ съ това-

— Поработали, братцы? — обратился къ нимъ главарь.

— Постарались, Ермакъ Тимофеевичъ, — угрюмо пробасилъ Мещеракъ.

— Каковъ грузъ? — повернулся атаманъ къ Пану.

— Съ рыбнымъ товаромъ на верхи шли, — отвѣтилъ спрошенный.

Хозяинъ валялся въ ногахъ у Ермака.

рицами идтить, да атаманъ не сказываетъ, чередъ надобно блюсти...

— Извѣстно, чередъ, а ты какъ думаль?..

Дождались. Струги у берега, а слѣдомъ за ними покачивается на водѣ и крутобокая плѣнница.

— Осподи!.. Осподи, помилуй насъ! — доносился съ барки старческой дребезжащей голосъ.

Закрѣпили причалы, бросили доску, и молодцы стали сводить съ палубы плѣнниковъ. Бурлаки шли безъ страха, но зато старика-хозяина пришлось на рукахъ тащить; а приказчикъ совсѣмъ лишился чувствъ отъ страха, и его сле выволокли изъ каюты.

Ермакъ сидѣлъ у костра, когда къ нему подошли посланные атаманы.

— Безъ кровушки поработали?

— Сухо... — отвѣтили атаманы.

— Соленая рыбешка пригодится, — у насъ вѣдь на исходѣ, — замѣтилъ Панъ, ухмыляясь въ бороду.

— Кто старшій на суднѣ? — спрашивалъ атаманъ.

— Самъ хозяинъ шелъ, а съ нимъ приказчикъ... Стрость какъ перепугались, когда мы крючья закинули...

— А, подать-ка ихъ сюда! — приказалъ Ермакъ.

Атаманы бросились передать его приказъ, и черезъ минуту блѣлый какъ лунь хозяинъ, съ блѣдными обвислыми щеками и выпяченнымъ впередъ брюшкомъ уже валялся въ ногахъ у Ермака. Приказчикъ дрожалъ какъ осиновый листъ, не смѣя глазъ поднять.

(Продолженіе слѣдуетъ).

† В. М. ВАСНЕЦОВЪ.

(Некрологъ).

23-го июля текущаго года телеграфъ сообщилъ о смерти одного изъ величайшихъ русскихъ художниковъ — Виктора Михайловича Васнецова.

Много славныхъ художниковъ возрастила и вскормила Русская земля, но немногіе изъ нихъ были такими вѣрными, преданными ея сынами, какъ Викторъ Михайловичъ Васнецовъ.

Русь была для него неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Все его творчество было пламеннымъ служеніемъ Русской землѣ, красочной поэмой ея прошлаго.

Вы знаете его „Трехъ богатырей“ — вы видали ихъ въ хрестоматіяхъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ на богатырскихъ коняхъ стоятъ заставой на охранѣ Русской земли.

Вѣроятно, знакомъ вамъ и „Витязь на распутьи“: читаетъ витязь надпись на камнѣ, говорящую о томъ, что съ нимъ станеть, если онъ поѣдетъ по одной изъ дорогъ, лежащихъ передъ нимъ. Читаетъ, и глубокое раздумье одолѣло его: труденъ выборъ пути-дороги...

Сказки «Иванъ-Царевичъ и сѣрый волкъ», «Аленушка» — дали Васнецову матеріалъ для чудныхъ картинъ, воплотившихъ русскую сказку въ живыхъ, яркихъ образахъ.

Много картинъ создалъ В. М., и въ большинствѣ ихъ воскресаетъ передъ нами далекое, уходящее въ призрачную даль сказки прошлое Русской земли. То прошлое, гдѣ нащупывалась русская мощь-силушка, создавшая великій народъ и родившая міру сотни гениевъ...

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ

В. М. Васнецовъ.

родился въ 1848 году въ селѣ Рябовскомъ, Вятской губ., въ семьѣ сельскаго священника.

Отецъ его сердечный, добрый человекъ, проникнутый религіозностью, сумѣлъ съ ранняго дѣтства влить въ сына неистребимыя представленія о величій Создателя и неисчерпаемой красотѣ Его творенія — природы.

Жизнь въ деревнѣ, близость къ землѣ и сынамъ ея — крестьянамъ — вселили въ душу будущаго художника крѣпкую любовь къ родной землѣ и родному народу.

Эту любовь никогда и ничто уже не могло поколебать въ душѣ Виктора Михайловича.

Обучался онъ въ духовной семи-

В. М. Васнецовъ.

„Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ“.

нари. Талантъ художника, пробудившійся въ юношѣ, заставилъ его изъ духовной семинаріи поступить въ Академію Художествъ. Въ то время въ живописи царило подражаніе иностраннымъ художникамъ, но Васнецовъ, вѣрный своему чувству любви къ родной землѣ, не поддавался этому увлеченію.

Первые художественные шаги В. М. были направлены въ сторону жанровой живописи. Таковы его картины: «Съ квартиры на квартиру», «Военная телеграмма» и «Балаганы въ Парижѣ».

Вскорѣ, однако, онъ расстался съ жанромъ и перешелъ къ сюжетамъ былинъ и сказокъ. Здѣсь выявились его мастерство и глубокая любовь къ родной землѣ и ея далекому прошлому.

Въ этихъ картинахъ чувствуется, что Васнецову дорога и близка каждая пылинка, наслаивавшаяся на Русской землѣ за тысячелѣтія, и картины его — красочныя молитвы великому кумиру художника — Руси.

Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія Васнецовъ взялся за роспись Вла-

димірскаго собора въ Кіевѣ. Работалъ онъ 10 лѣтъ, расписавъ за это время въ Соборѣ площадь въ 4000 квадратныхъ аршинъ.

Эта громадная работа вся исполнена истиннаго вдохновенія и поражаетъ своей мощью. Достаточно замѣтить, что одинъ надпрестольный образъ Богородицы имѣетъ 12,5 аршинъ въ высоту.

Трудно перечестъ все работы Васнецова — ихъ очень много, по

во всеѣхъ живетъ огонь неугасимой любви къ родной землѣ, ея прошлому и непоколебимая вѣра въ ея будущее.

Умеръ В. М. въ сердцѣ Руси — въ Москвѣ.

Со смертью В. М. Васнецова Русская земля потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, а искусство — одного изъ величайшихъ гениевъ кисти.

Л. К.

КАРТИНАМЪ ВАСНЕЦОВА.

Ширь, размахъ, захватъ глубокий, —
Все звучитъ въ васъ, все поетъ,
Какъ въ забытый край далекий —
Вглубь сѣдыхъ вѣковъ зоветъ...

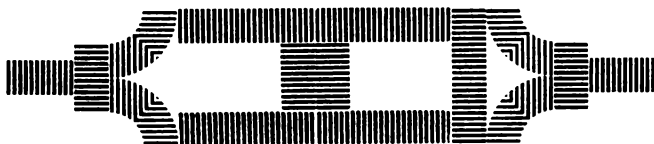
Вижу я: сѣдое время
Возстаетъ въ лучахъ зари,
Вижу — ѣдутъ, стремя въ стремя,
О-конь-конь богатыри.

Шишаки, щиты, кольчуги,
Шестоперы, кистени,
Самострѣлы, шелепуги,
Копій лѣсъ... Въ его тѣни —

Вольхъ Всеславьевичъ съ Добрыней,
Ставрѣ, Потокъ, Алеша-младъ
Старъ-Илья — сѣдой, что иней,
Всемъ хоробрымъ старшій братъ.

Ширь, размахъ, захватъ глубокий, —
Все звучитъ въ васъ, все поетъ,
Какъ въ забытый край далекий
Вглубь сѣдыхъ вѣковъ зоветъ.

А. К.

— Прекрасно для вашего брата, — съ мрачнымъ удовольствіемъ вымолвилъ онъ.

Викъ съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ глядѣлъ на Юганна, являвшаго собою мрачную каррикутуру на палача.

— Что же, это онъ и... пореть? — спросилъ онъ у Карстена, невольно заинаясь.

— Онъ? — нарочно громко, чтобы старый Юганнъ слышалъ все до слова, крикнулъ шалунъ: — ну, онъ еще не доросъ до этого. Ему поручаютъ только иногда попридержать за пятки тѣхъ, что сильно брыкаются — вотъ и все...

— Хорошо, хорошо, — задѣтый за живое, отвѣтилъ сторожъ, — когда понадобится поддержать тебя, будешь доволенъ...

Тилли захохоталъ и отошелъ отъ окна. Викъ послѣдовалъ за нимъ, немного успокоенный. Мрачный видъ сторожа пересталъ внушать ему страхъ, и пучокъ лозняка въ грубыхъ рукахъ потерялъ первоначальное грозное значеніе: рука учителя несомнѣнно была нѣжнѣе и легче.

Въ школу Викъ пришелъ уже лицомъ небезызвѣстнымъ. Нѣсколько поѣздокъ на отмель за крабами и отчаянныя экскурсіи на Гагачью скалу создали ему популярность среди мальчиковъ. Кромѣ того, его дружба съ главарями и коноводами класса — Микко Валто и Тилли Карстеномъ — выдвигала его на первое мѣсто. Ему безъ спора уступили мѣсто рядомъ съ Тилли, и Викъ не безъ гордости водрузился на заднюю парту, гдѣ сидѣло кромѣ него пять отчаяннѣйшихъ шалуновъ.

— Это наша скамья, — объявилъ ему Тилли тономъ властелина, показывающаго свои владѣнія. — По правдѣ сказать, удерживать это мѣсто за собой стоитъ кое-чего...

— А что?

— Приходится по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ получать побои, — безопасно отвѣтилъ за Кар-

стена Микко. — Видишь ли, у Аннуса глупая манера сажать учениковъ по успѣхамъ... Кто плохо учится, сидитъ позади, а хорошіе ученики — впереди. Ну, мы и стараемся.

— То-есть какъ это? — вытаращилъ глаза Викъ, для котораго парта потеряла вдругъ долю прелести.

Микко разсмѣялся.

— Ты еще ничего не знаешь. Не думай, что мы такъ-таки ничего и не дѣлаемъ. Нѣтъ, мы стараемся даже. Тилли въ прошломъ году получилъ всѣ награды. Понимаешь, нужно только разъ въ мѣсяць казаться круглымъ болваномъ, и мѣсто остается за тобой. Это такъ просто.

Но Викъ все-таки не могъ понять. Друзья наперебой пустились объяснять ему свою систему.

— Господинъ Аннусъ, — сказалъ Тилли, садясь, — имѣетъ привычку разъ въ мѣсяць экзаменовывать всѣхъ. До этого за успѣхи онъ выдаетъ билетки, и, если на мѣсячномъ экзаменѣ ты отвѣтишь хорошо, онъ переводитъ тебя въ другой разрядъ... А наша скамейка самая лучшая въ классѣ, и уходить съ нея мы не хотимъ... Ну, на экзаменѣ мы и прикидываемся ничего не знающими...

— И только? — кисло улыбнулся Викъ. — А господинъ Аннусъ не догадывается?

Тилли утвердительно кивнулъ головой.

— Подозрѣваетъ и сердится, а ничего не можетъ подѣлать. Отниметъ билетки, побранитъ, выпоретъ и гонитъ на прежнее мѣсто... ха... ха... Ловко?

И Тилли весело засмѣялся, хлопнувъ руками по колѣнкамъ.

Викъ не раздѣлялъ его настроенія: сразу же онъ наталкивался на затрудненія. Не послѣдовать примѣру друзей — значило разъ навсегда покрыть

себя позоромъ и осудить на вѣчное презрѣніе со стороны товарищей. Однажды въ мѣсяцъ прикидываться осломъ и получать свою долю розогъ, конечно, было не такъ трудно, но это лишало его возможности порадовать тетушку Марту успѣхами. Несомнѣнно, каждая такая трепка будетъ сопровождаться жалобами на него со стороны учителя, и старушка навѣрное будетъ очень огорчаться... Викъ погрузился въ мрачное раздумье. Съ одной стороны, ему было жалко старую тетку, съ другой — никакъ нельзя было поступиться репутаціей въ глазахъ друзей. Последнее въ концѣ концовъ одержало верхъ надъ благими побужденіями. Хотя и чувствуя себя жалкимъ, никчемнымъ эгоистомъ, Викъ все-таки махнулъ рукой на огорченія тетки Марты и рѣшилъ не отступать отъ традицій дружбы и товарищескаго долга. Въ оправданіе онъ подумалъ только, что теткѣ Мартѣ можно будетъ объяснить щекотливость положенія, и она, навѣрное, пойметъ и перестанетъ огорчаться. О, тетушка Марта такъ прекрасно понимала все, что касалось душевныхъ переживаній Вика, точно сама была когда-то мальчикомъ!

II.

Классъ, въ которомъ очутился Викъ, былъ шумный, шаловливый и безпокойный; посѣщали его дѣти не старше 12—13 лѣтъ. Старшее отдѣленіе собиралось въ той же залѣ, но послѣ обѣда, и тогда характеръ класса рѣзко измѣнялся. Тутъ уже были юноши и дѣвушки, съ должной серьезностью относящіяся къ занятіямъ. Что же касалось сотоварищей Вика, то никто изъ нихъ не отличался особеннымъ рвеніемъ. Они охотно отлынивали отъ уроковъ и не менѣе охотно пускались

на любую шалость. Кое-какъ, въ перевалку, какъ телѣга по ухабистой дорогѣ, подвигались они по научной стезѣ, если и не усѣянной терніями, то, во всякомъ случаѣ, обильно поросшей лознякомъ. Только линейка и грозный пучокъ на столѣ могли заставить ихъ сосредоточиться, и, нужно отдать справедливость господину Аннусу, — онъ умѣло пользовался этими побудителями вниманія.

Дѣти любили и уважали своего учителя. Но вѣковѣчныя традиціи все-таки заставляли ихъ видѣть въ немъ врага, съ которымъ они боролись, примѣняя, какъ орудіе защиты, лукавство, хитрость и всевозможныя шалости. Господинъ Аннусъ стойко удерживалъ за собой позицію и не сдавалъ ея. Полемъ битвы служило мѣсто, передъ каедрой и, если ученикъ проигрывалъ ее въ словесномъ турнирѣ, — вторая, трагическая часть поединка, происходила уже за каедрой, при чемъ товарищи побѣжденнаго видѣли только пятки, мелькавшія въ воздухѣ, а дѣвочки, сидѣвшія по лѣвую сторону комнаты, имѣли удовольствіе наблюдать гримасы на лицѣ, сопровождавшія отчаянный ревъ мальчугана. Но всему классу зато виденъ былъ грозный пучокъ, мѣрно, не торопясь поднимавшійся и опускавшійся въ воздухѣ.

Дѣвочки держались особнякомъ отъ мальчиковъ. Это былъ скромный, тихій и чинный элементъ класса. Онѣ способны были одинаково и восхищаться, и ужасаться выходками мальчишеской половины класса, но никогда не смѣшивались съ нею. Тутъ чувствовался нѣкоторый антагонизмъ, выражавшійся въ пренебреженіи съ одной стороны и презрѣніи и насмѣшкахъ — съ другой.

Сперва Вика стѣснялъ видъ скамеекъ, заполненныхъ чистенькими аккуратными фигурками въ

передничкахъ и съ бѣлокуроыми косичками, украшенными цвѣтными лентами. Широкой проходъ между партами отдѣлялъ ихъ отъ мальчиковъ, и на Вика непріятно дѣйствовали любопытные взгляды, устремленные на него оттуда. Но онъ скоро привыкъ и даже почти забылъ о присутствіи дѣвочекъ. Шумъ, гамъ, возня поглотили его и окунули на самое дно безпокойной бурлящей жизни класса внѣ суроваго ока учителя.

Господинъ Аннусъ открылъ занятія торжественной прочувствованной рѣчью, въ которой коснулся пользы ученья и вреда невѣжества. Онъ умѣлъ говорить, а, что главное, иллюстрировать рассказами свои мысли, и это располагало его маленькихъ слушателей ко вниманію. Онъ былъ очень внушительнъ и солиденъ въ новомъ скрутокѣ, и фигура его на каѳедрѣ возбуждала невольное почтеніе. Даже длинный красный носъ въ эту торжественную минуту не внушалъ и доли какой-нибудь непочтительной мысли. Украшенный очками, онъ какъ будто потерялъ свои птичьи формы и вполне гармонировалъ съ внушительнымъ обликомъ господина Аннуса.

Голосъ учителя былъ мягкой, но громкой и вѣской. Онъ какъ-то самъ собой проникалъ въ душу; господину Аннусу не зачѣмъ было подчеркивать какія бы то ни было мѣста своей рѣчи: вся она была выпуклая, образная, и нужныя детали вырисовывались сами собой.

Въ заключеніе рѣчи господинъ Аннусъ взялъ въ одну руку линейку, а въ другую свѣжій пучокъ прутьевъ и взмахнулъ ими.

— Награды — прилежнымъ, — провозгласилъ онъ нѣсколько театрально, — а лѣнивымъ, невнимательнымъ — это! (Линейка и пучокъ описали въ воздухѣ дугу.) Впрочемъ, дѣти мои, — точно

утѣшая, добавилъ онъ, — каждому изъ васъ придется навѣрное попробовать этихъ штучекъ, потому что безъ этого не проходить ученье, и еще потому, что «за битаго десять небитыхъ дають...».

— Да и тѣхъ не берутъ, — закончилъ чей-то веселый голосъ излюбленную поговорку учителя.

Господинъ Аннусъ снисходительно улыбнулся, но сейчасъ же внушительно стукнулъ линейкой о столъ.

— На первый разъ я прощу того неосторожного, который такъ непочтительно прервалъ мою рѣчь, — строго сказалъ онъ, — но прошу васъ, дѣти, не забывать, что за подобныя выходки я сурово наказываю.

Очки господина Аннуса сверкнули, и онъ опустился на свое высокое сидѣніе. Торжественная тишина воцарилась въ комнатѣ, въ которой четверть часа тому назадъ все кипѣло и бурлило, точно въ котлѣ.

Занятія начались.

III.

Урокъ былъ заданъ, и въ классѣ поднялось гудѣніе нѣсколькихъ десятковъ голосовъ. Это былъ ровный размѣренный гулъ, какъ въ ульѣ, когда въ немъ мирно течетъ жизнь. Ученики вслухъ читали урокъ, стараясь запомнить его, а учитель съ высоты кафедры слѣдилъ за классомъ. Изошренный слухъ сразу улавливалъ въ этомъ гулѣ посторонніе, не идущіе къ дѣлу звуки, и нарушители порядка извлекались изъ партъ и выстраивались на колѣняхъ возлѣ печки.

Викъ дважды прочелъ свою страницу, а такъ какъ вниманіе его, на первый случай, было въ порядкѣ, то урокъ оказался выученнымъ. Онъ по-

днялъ голову отъ книги и окинулъ взглядомъ классъ. Рядъ головъ, склоненныхъ надъ книгами, представлялъ мало интереса; мѣрное гудѣніе голосовъ навѣвало сонъ. Господинъ Аннусъ сидѣлъ, облокотясь на кафедру, и носъ его почти касался страницъ большой книги. Очки мягко поблескивали, и обликъ учителя потерялъ немного внушительности. Господинъ Аннусъ казался почти простымъ смертнымъ, погруженнымъ въ чтеніе.

Отъ учителя взглядъ мальчика устремился къ окну. Но и тамъ было мало простора скучающему уму. Мрачная голая кирпичная стѣна церкви, ограждавшая дворъ, была слишкомъ убогимъ видомъ, а небольшое готическое окно въ ней, забранное продольными желѣзными прутьями, рождало въ головѣ мысли о тюрьмѣ. Викъ уныло зѣвнулъ.

Вскорѣ въ томъ же положеніи очутился и Тилли Карстенъ. Плутовская рожица шалуна вынырнула изъ-за книги и опасно поглядѣла по сторонамъ. Видъ учителя, занятаго чтеніемъ, успокоилъ Тилли, какъ суслика успокаиваетъ видъ голой пустынной степи. Онъ далъ пинка въ бокъ Вику.

— Поиграемъ въ лоцманы!

Викъ жаждалъ развлеченія, и, кромѣ того, игра была ему совершенно неизвѣстна. Тилли, на утвердительный кивокъ пріятеля, добылъ грифельную доску, стеръ съ нея какой-то неуклюжій рисунокъ и принялся чертить подобіе карты съ разбросанными на ней рифами, мелями и островами.

Вся игра заключалась въ томъ, что тотъ, кто изображалъ лоцмана, долженъ былъ нарисовать на картѣ путь судна изъ любой точки карты въ гавань, помѣченную крестомъ. Вся задача была въ томъ, чтобы, помимо обхода рифовъ и острововъ, лоцманъ при послѣдующихъ рейсахъ не перерѣзы-

валъ старыхъ путей. Задачей партнера, наоборотъ, было какъ можно больше запутать лоцмана, чтобы тотъ оказался въ затруднительномъ положеніи и вынужденъ былъ коснуться грифелемъ старыхъ линий. За каждое пересѣченіе линий въ видѣ штрафа полагался ударъ линейкой по рукѣ. Удары эти обыкновенно откладывались на послѣ-урока.

Викъ вызвался быть лоцманомъ. Тилли оказался опытнымъ игрокомъ и послѣ нѣсколькихъ рейсовъ запуталъ друга. Лоцманъ пыхтѣлъ, справляясь съ трудной задачей, и цѣликомъ ушелъ въ игру, забывъ и о классѣ, и объ учителѣ. Тилли съ меньшимъ вниманіемъ слѣдилъ за грифелемъ пріятеля. Головы друзей склонились надъ доской, и пряди ихъ волосъ перепутались.

Оба не замѣтили, какъ гробовая тишина настала вдругъ въ классѣ, и какъ длинная фигура учителя, съ линейкой въ рукѣ, кошачьими шагами направилась черезъ классъ къ нимъ. Для лоцмана былъ критическій моментъ въ игрѣ, а партнеръ его съ дрожью возбужденія ждалъ момента, когда грифель коснется заповѣдной линіи.

— Стой! столкновение!

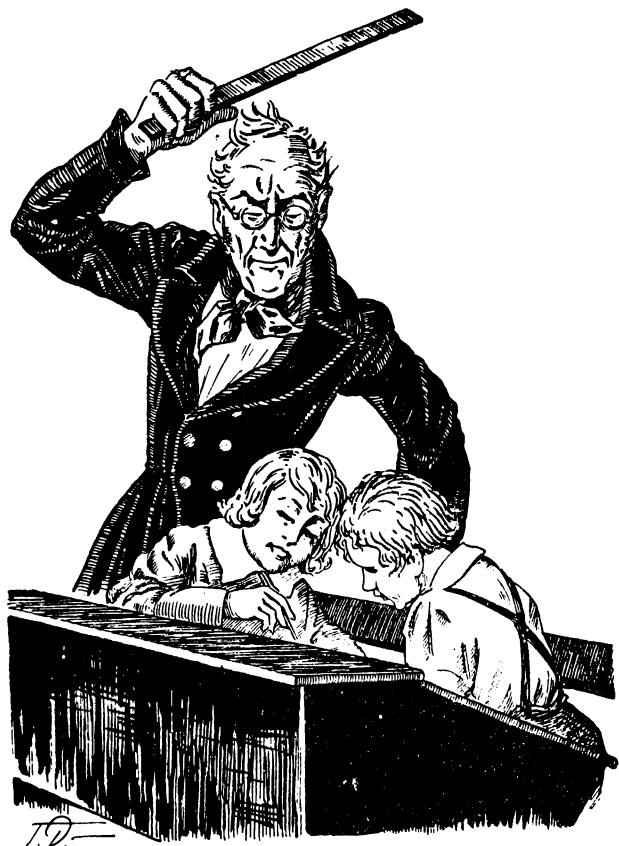
— Нѣтъ, не было!

— Врешь, было! Я видѣлъ, да и самъ ты знаешь, — запальчиво возразилъ Тилли. — Это нечестно — жулить.

— А я говорю, Тилли, что не было...

Возбужденный шопотъ обоихъ разносился по всему классу, но друзья не замѣчали этого, какъ не видѣли и лица учителя, склоненнаго надъ ними и съ интересомъ разсматривавшаго исчерченную доску.

Звонкій ударъ линейкой по плечамъ положилъ конецъ ссорѣ. Ошарашенные мальчуганы подпры-

Звонкій ударъ линейкой по плечамъ положилъ конецъ ссорѣ.

гнули, вскрикнувъ отъ боли и, увидя учителя, застыли въ трепетъ и страхъ.

— Такъ, такъ, Викъ Дуловъ, — сказалъ хмурясь Аннусъ, — такъ, такъ, Тилли Карстенъ. Вы недурно развлекаетесь — я вижу... Только теперь, кажется, настанетъ мой чередъ развлекаться. Подите-ка сюда!

И онъ величественно направился къ кафедрѣ, а за нимъ робко послѣдовали дрожащія плѣнники, преслѣдуемые насмѣшками со стороны женскаго элемента класса и мрачнымъ сочувствіемъ со стороны мужскаго.

Красный отъ стыда предсталъ Викъ передъ кафедрой. Онъ ожидалъ немедленной расправы и ему мучительно стыдно было дѣвочекъ. Тилли держался спокойнѣе, чему способствовали, конечно, опытъ и привычка.

Сперва учитель спросилъ урокъ. Оба отвѣтили безъ запинки. Это, видимо, смягчило гнѣвъ господина Аннуса. Онъ молчалъ нѣкоторое время, собираясь съ мыслями.

— Кто изъ васъ надумалъ играть? — послѣдовалъ наконецъ вопросъ.

Викъ молчалъ. Молчалъ и Тилли: не въ привычкахъ мальчиковъ было сознаваться.

— Ну, если никто не сознается, мнѣ придется круто поступить съ обоими. Тебя, какъ новичка, Викъ, мнѣ и жалко немного, но законъ прежде всего. Ступайте за кафедру.

У Вика пересохло во рту, и по спинѣ поползли мурашки. Онъ съ трудомъ шагнулъ къ кафедрѣ. Но вдругъ Тилли опередилъ его. Съ мрачной рѣшительностью мальчикъ выступилъ впередъ и заявилъ:

— Играть выдумалъ я. Викъ не зналъ этой игры.

Аннусъ удовлетворенно кивнулъ головой.

— Тогда Викъ можетъ идти на мѣсто. Ему, какъ новичку, я могу простить на первый разъ; но тебѣ, Тилли Карстенъ, я не могу дать спуска. Иди сюда!

Викъ вернулся на мѣсто неприятно пораженный всѣмъ происшедшимъ. Короткая борьба за каедрой, ноги Тилли, замелькавшія въ воздухѣ, и дикій вопль заставили его призадуматься: господинъ Аннусъ, оказывалось, былъ не изъ числа людей, съ которыми можно шутить...

IV.

Тилли Карстенъ обладалъ лодкой. Почти у всѣхъ мальчиковъ Эрбоса отцы имѣли лодки, но у Тилли была собственная лодка, и это выдвигало его въ глазахъ товарищей на неизмѣримую высоту величія. Лодка была маленькая, старая съ обветшавшимъ такелажемъ: пеньковыя снасти мѣстами подгнили и превратились въ лохмотья, а паруса представляли собою живописную коллекцію заплатъ всевозможныхъ размѣровъ и очертаній. Это не мѣшало Тилли гордиться своимъ судномъ, какъ если бы оно было новенькимъ четырехмачтовымъ бригомъ, а мальчуганамъ городка втайнѣ завидовать пышному собственнику и высмѣивать вслухъ недостатки лодки.

Само собой разумѣется, что Викъ и Микко были безсмѣнными помощниками на «Капитанѣ Киддѣ», какъ величалъ Тилли свою лодку. «Капитанъ Киддъ» горделиво плавалъ въ водахъ острова, превращаясь то въ военный фрегатъ, то въ пиратское судно, то въ скромнаго торговца. «Устричная мель» и «Ворота Дога» — двѣ уединенныхъ скалы въ трехъ миляхъ отъ Эрбоса — часто видѣли «Ка-

питана Кидда» и его экипажъ — лихихъ моряковъ, старавшихся подражать своимъ отцамъ и героямъ «пиратскихъ» романовъ.

«Капитанъ Киддъ» хотя и служилъ довольно исправно, однако часто требовалъ починки: его борта развѣзжались и постоянно нуждались въ порціяхъ суриковой замазки, пакли и смолы. Почти передъ каждой экспедиціей Тилли и его друзья должны были вытаскивать судно на песокъ и заниматься ремонтомъ, что, однако, ихъ больше развлекало, чѣмъ печалило.

Въ серединѣ августа кто-то принесъ въ школу вѣсть, что на Устричной мели появилось небывалое количество крабовъ. Конечно, этого слуха было достаточно, чтобы Викъ, Тилли и Микко собрались въ экспедицію. Они думали было отчалить тотчасъ послѣ занятій въ школѣ, но «Капитанъ Киддъ» далъ трещину, и починка заняла много времени.

Въ сумеркахъ друзья возились еще надъ злополучной лодкой. На берегу было пустынно, и только изрѣдка появлялась фигура кого-нибудь изъ лоцмановъ въ широкой курткѣ и кожаной шляпѣ съ обвислыми полями и, пройдя площадку мола, скрывалась въ сумракѣ; слышался визгъ блока, хлопанье двери, и на мигъ до слуха мальчиговъ долеталъ гулъ голосовъ: въ трактирѣ у Силька шла попойка, и лоцманы стекались туда со всего города.

Друзья кончали работу. «Капитанъ Киддъ» былъ снова въ водѣ и снабженъ рангоутомъ. Мальчики довязывали послѣдніе узлы на снастяхъ, а сумракъ между тѣмъ покрылъ спокойное море и надвигался на островъ.

Вдругъ со стороны «Воротъ Дога» раздался выстрѣлъ, за нимъ второй и третій. Судя по звуку,

стрѣляли на морѣ и не ближе, чѣмъ у «Воротъ». Мальчики переглянулись.

— Что это? — спросилъ Викъ.

Тилли всматривался въ даль, тщетно стараясь проникнуть взглядомъ въ пелену мрака.

— Выстрѣлы, — вполне резонно замѣтилъ онъ.

Микко сказалъ торопливо:

— Всякій знаетъ, что выстрѣлы. Это стрѣляли въ контрабандистовъ.

— Въ контрабандистовъ? — Викъ даже вздрогнулъ отъ радостнаго волненія. — А тутъ у васъ попадаютъ контрабандисты?

Тилли не безъ достоинства кивнулъ головой. Ему было пріятно, что и Эрбось можетъ чѣмъ-нибудь поразить этого кругосвѣтнаго путешественника.

— Попадаютъ они рѣдко, Викъ, — значительно сказалъ онъ, — потому что, самъ знаешь, какіе они ловкіе ребята, — и подѣ осень ихъ всегда много...

— И они тутъ живутъ?

Тилли важно усмѣхнулся.

— Если хочешь знать, то всѣ рыбаки Эрбоса осенью контрабандисты... Всѣ до одинаго.

Это было похоже на серьезное дѣло. Душа Вика, жаждавшая приключеній, пришла въ возбужденіе.

— Это ловко. Что же они привозятъ?

— Табакъ и шелкъ, Викъ. Только эти товары.

Викъ усѣлся на борту лодки и задумчиво посмотрѣлъ на море.

— Какъ это интересно быть контрабандистомъ, — сказалъ онъ, — мнѣ бы хотѣлось, на примѣръ, стать имъ.

Тилли отвѣтилъ убѣжденно:

— Каждому бы хотѣлось. Я, когда выросту, буду возить контрабанду, вотъ увидишь.

— И я тоже, — сказалъ Микко. — Нѣтъ ничего лучше ремесла контрабандиста: ты достаешь хорошіе товары и провозишь ихъ подъ носомъ у таможенныхъ... Ты ихъ такъ славно дурачинишь, что они злятся потомъ цѣлый годъ... Съ этимъ можетъ только сравняться жизнь пирата.

Друзья согласились съ доводомъ.

Выстрѣлы услышали и въ кабачкѣ Силька. Дверь начала визжать, и на берегу появились люди. Даже старшій лоцманъ вышелъ на молъ, и вокругъ него мгновенно собралась кучка народа.

Мальчики покинули «Капитана Кидда» и почались на молъ.

Подбѣгая къ группѣ лоцмановъ, Тилли замѣтилъ въ морѣ лодку, но за ней слѣдомъ плыло что-то до такой степени странное, что онъ остановился на бѣгу и придержалъ за руку Вика.

— Посмотри-ка, что тамъ?

Викъ и Микко вглядѣлись въ сумракъ, мѣшавшій видѣть предметы. Микко, впрочемъ, узналъ таможенную лодку съ острова Дога, но что было за ея кормой — никто изъ мальчиковъ не могъ сказать. Они побѣжали, сломя голову, къ кучкѣ людей, остановившейся у оконечности мола.

Тутъ были все лоцманы — люди слишкомъ свои, чтобы съ ними приходилось стѣсняться. Тилли спросилъ у Леонгарда Кревена относительно страннаго предмета.

— Лодка это, — отвѣтилъ лоцманъ, — лодка на буксирѣ.

Дѣйствительно, это оказалась лодка, но опрокинутая. Таможенная шлюпка тащила ее за собой въ бухту Эресбурга.

Слѣдомъ за лодкой плыло что-то странное.

ПО БЪЛУ СВѢТУ.

Случай въ Аргентинѣ.

Американскія газеты рассказываютъ объ ужасномъ происшествіи, совершившемся 23 іюля этого года въ Аргентинѣ (Южная Америка).

У одной семьи былъ ребенокъ, мальчикъ двухъ лѣтъ. Пока родители работали, мальчуганъ игралъ поблизости, и никто о немъ не беспокоился: вблизи не

Въ когтяхъ орла былъ ребенокъ.

Въ степи, въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ горъ, работали въ полѣ по уборкѣ хлѣба рабочіе крупнаго хлѣбопромышленника. Въ Аргентинѣ хозяйства охватываютъ часто площади въ нѣсколько десятковъ миль, и рабочіе семьями на нѣсколько недѣль уходятъ въ поле.

было ни змѣй, ни хищниковъ, которые могли бы причинить вредъ ребенку.

Однажды рабочіе замѣтили въ выси кондора. Кондоръ — громадный американскій орелъ — является настоящимъ бичомъ скотопромышленниковъ, такъ какъ дерзко нападаетъ на стада и среди

обла дня похищаетъ молодыхъ овецъ и ягнятъ. Стадъ поблизости не было, и рабочіе не обратили никакого вниманія на орла.

Кондоръ между тѣмъ парилъ въ выси, выискивая добычу, нѣсколько разъ снижался, но затѣмъ снова улеталъ въ высоту.

Вдругъ страшный крикъ ребенка заставилъ рабочихъ бросить работу. Всѣ кинулись туда, гдѣ игралъ мальчикъ, и увидѣли громадную птицу, поднимавшуюся къ небу. Въ когтяхъ ея была жертва — ребенокъ.

Ни крики, ни шумъ не испугали орла и не могли заставить его бросить добычу. Онъ медленно взмывалъ къ небу —

все выше и выше, унося на глазахъ обезумѣвшей отъ горя матери ея сына.

Не помогли дѣлу и выстрѣлы изъ ружья. Стрѣлявшіе боялись убить ребенка, и потому ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Кондоръ скрылся изъ виду, взявъ направленіе къ горамъ.

Разсказывая объ этомъ происшествіи, газеты добавляютъ, что до сихъ поръ не было случая, чтобы кондоръ нападалъ на людей. Какъ ни дерзокъ и отваженъ этотъ воздушный разбойникъ, онъ никогда не осмѣливается кидаться на чело-вѣка.

«Только очень длительный голодъ, — говоритъ одна изъ газетъ, — могъ вынудить кондора похитить ребенка».

Л. П.

Канадская Швейцарія.

Какъ у насъ въ Европѣ Швейцарскія Альпы являются магнитомъ для безчисленныхъ туристовъ всѣхъ странъ и на-

ражи. Оказывается, въ Америкѣ имѣется много нашихъ «Швейцарій», и одна изъ нихъ — область Рокскихъ горъ въ

Гостиница въ Канадской Швейцаріи.

родовъ, такъ и за океаномъ въ Америкѣ имѣются гористыя области, заманчивыя для спортсменовъ и альпинистовъ. Но американцы во всемъ ушли впередъ, и все американское поражаетъ насъ, европейцевъ, громадными размѣрами и циф-

Канадѣ, — напримѣръ, въ три раза превосходить размѣрами нашу европейскую Швейцарію. Находится она въ мало извѣстной для насъ, европейцевъ, горной области, отдѣляющей Альберту отъ Британской Колумбіи.

Горные утесы и глетчеры.

Путешествіе по горамъ Канадской Швейцаріи совершается на лошадахъ. Путь далеко нелегкій: приходится

Но трудности пути щедро вознаграждаются красотой дикой горной природы.

Недавно группа туристовъ совершила

Приваль въ горахъ.

Ѣхать по крутымъ горнымъ тропинкамъ, вьющимся по уступамъ отвѣсныхъ скалъ на высотѣ въ нѣсколько тысячъ метровъ.

путешествіе по горамъ Канадской Швейцаріи, и мы пользуемся снимками, сдѣланными участниками этой прогулки.

Что такое свѣтопись, или фотографія?

Фокусное расстояние и его глубина.

Вы уже знаете, что **фокусъ**, это — расстояние между диафрагмой объектива и матовымъ стекломъ аппарата.

Чтобы получить рѣзкое изображение снимаемого предмета на матовомъ стеклѣ, необходимо отодвигать послѣднее отъ объектива, если снимаемое находится близко отъ аппарата и, наоборотъ, придвигать матовое стекло къ объективу, если снимаемое удалено отъ аппарата.

Установивъ аппаратъ на рѣзкость, вы получаете фокусное расстояние (отъ диафрагмы до матоваго стекла) для даннаго снимка.

Тутъ вы замѣтите, что отчетливость и рѣзкость распространились не только на интересующій васъ предметъ, но и на предметы, находящіеся впереди и позади снимаемого. Глубина площади, на которую распространяется рѣзкость, называется глубиной фокуса.

У различныхъ объективовъ различны фокусное расстояние и его глубина. Это зависитъ отъ конструкціи и назначенія объектива.

Объективы **длинно-фокусные** предназначены для фотографирования съ далекихъ расстояній; коротко-фокусные — съ близкихъ.

Фокусное расстояние всегда обозначается на оправкахъ объективовъ въ сантиметрахъ.

Свѣтосила.

Свѣтосилою называется способность объектива пропускать въ камеру свѣтовые лучи въ томъ или иномъ количествѣ.

Чѣмъ больше свѣтовыхъ лучей прону-

скаетъ объективъ, тѣмъ больше его **свѣтосила**.

Конкурсъ фотографовъ.

Дѣвочка съ котенкомъ — Фот. Аля.

Свѣтосила объектива имѣетъ огромное значеніе въ фотографированіи. Отъ нея зависитъ время экспозиціи и глубина фокуса. Объективы съ большой свѣтосилою даютъ возможность производить мгновенные снимки, что необходимо при фотографированіи быстрыхъ движеній. Зато глубина фокуса у этихъ объективовъ незначительна. Объективы съ малой свѣтосилою не даютъ возможности производить короткой экспозиціи, но зато обуславливаютъ большую глубину фокуса. Это даетъ преимущество при фотографированіи видовъ.

Любителю - фотографу лучше пользоваться объективомъ съ большой свѣтосилою. Имъ можно дѣлать моментальные снимки, а въ случаѣ необходимости углубить фокусъ, можно пользоваться диафрагмой. Какъ пользоваться диафрагмой, будетъ сказано подробнѣе ниже, когда рѣчь пойдетъ объ экспозиціи.

(Продолженіе будетъ).

Конкурсъ фотографовъ.

Вбродъ черезъ Огерь.
Фот. В. Игнатъева,

Разливъ рѣки.
Фот. Мельникова.

Отвѣты на запросы.

Н. Мельникову. Изъ присланнаго Вами, наиболѣе цѣненъ снимокъ разлива рѣки, который помѣщаемъ въ этомъ номерѣ (сохраните негативъ — потребуетъ для выставки). Остальное мало выразительно. При съемкѣ зданій ищите такую точку, съ которой наиболѣе ясно опредѣляется архитектура.

Въ ландшафтѣ у Васъ слабъ первый планъ. Общее указаніе о томъ, какъ подходить къ мотивамъ и снимать ихъ, будетъ дано въ статьѣ «Композиція въ свѣ-

тошис», которая будетъ помѣщена въ нашемъ журналѣ въ порядкѣ руководящихъ статей по свѣтописи.

Въ жанрѣ (снимки съ фигурами) у Васъ очень мелкия фигуры, и всѣ смотрятъ въ аппаратъ. Это уничтожаетъ художественность снимковъ.

Материалъ присылайте. Снимая Либаву, постарайтесь дать все характерное для города: архитектуру, типовъ, бытъ, природу и т. д.

На дюнахъ Рижскаго Взморья.
Фот. В. Ясенаса.

Вал. Ясенасъ. Изъ присланнаго Вами два снимка заслуживаютъ вниманія: «На дюнахъ» (помѣщаемъ въ этомъ номерѣ) и «Въ лѣсу». Негативы сохраните для выставки.

Печатающіе фотографіи на этой бумагѣ, увеличивайте время экспозиціи и разбавляйте проявитель водой (прибл. 1:4) у Васъ слишкомъ черны тѣни и бѣлы свѣта.

Большой конкурсъ „Фотографа-любителя“.

Для поощренія дѣятельности фотографовъ-любителей редакция журнала «Юный Читатель» открыла большой конкурсъ фотографическихъ работъ,

Условія конкурса.

Въ конкурсѣ могутъ принимать участіе все читатели журнала.

Начиная съ этого номера, каждый экземпляръ журнала снабжается талономъ, дающимъ право присылать матеріалъ для конкурса.

На каждомъ талонѣ указанъ срокъ отправки. Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, направляютъ въ редакцію свои фотографическія работы, обязательно прилагая талонъ.

Фотографіи, по мѣрѣ поступления ихъ въ редакцію, будутъ помѣщаться на страницахъ журнала съ указаніемъ имени автора работъ.

За лучшія работы будутъ выданы цѣнные преміи:

- одна премія за снимки животныхъ и растений;
- одна премія за снимки историческихъ мѣстностей и памятниковъ старины;
- одна премія за снимки бытовыхъ сценъ;
- одна премія за снимки видовъ природы;
- одна премія за снимки типовъ народовъ, національных костюмовъ и т. п., и
- одна премія трудолюбія— за наибольшее количество присланныхъ работъ.

Изъ лучшихъ работъ нашихъ фотографовъ-любителей, ко дню присужденія премій по конкурсу, будетъ устроена въ Ригѣ выставка. Выставляемые работы будутъ увеличены до размѣровъ картинъ.

Для работы по увеличенію фотографій потребуются негативы, которые и просимъ сохранять до окончанія конкурса.

Срокъ отправки третьяго талона 5-го сентября с. г. Работы адресовать:

Latvija. Rīgā, Valdemara ielā 63, редакция журн. „Юный Читатель“.
„Фотографъ“.

Эстонское jamboree.

6-го июля 1926 года недалеко от Ревеля началось первое эстонское jamboree (индйское слово, которым скауты обозначают общий лагерь всех скау-

Рижские скауты в лагерь.

Лагерь 3-го отряда.

товъ страны, устраивающийся обыкновенно каждые пять лѣтъ), на которомъ присутствовали также нѣсколько нашихъ руководителей и роверовъ (старшихъ скаутовъ).

Мы выѣхали изъ Риги 4-го июля вечеромъ. На другой день къ полудню мы были въ Ревель. Подъ звуки оркестра поѣздъ подъѣзжалъ къ перрону. Думая, что оркестръ — въ нашу честь, мы важно вылѣзли изъ вагона; оказалось, однако, что честь воздавалась совсѣмъ не намъ, а прѣхавшимъ съ нами въ одномъ поѣздѣ полицейскимъ.

Впрочемъ, и мы не остались обиженными. Уже изъ оконъ поѣзда мы замѣтили выстроившихся въ линію тюленятъ (такъ называются въ Эстоніи младшіе морскіе скауты).

Секретарь эстонской организациіи пріѣтствовалъ насъ рѣчью, на которую нашъ представитель отвѣтилъ также

рѣчью, хотя и гораздо болѣе скромныхъ размѣровъ. Намъ приколотили лагерные значки, у насъ отняли багажъ, и мы двинулись къ пристани. Для того, чтобы попасть въ лагерь, нужно было перѣѣхать заливъ.

Мѣстность, куда мы попали, была чрезвычайно благоприятна для устройства большого лагеря — недалеко было и море, и спокойная рѣка Бригитовка, по которой чуть ли не весь лагерь по вечерамъ катался на байдаркахъ.

Слѣдующій день былъ днемъ открытія лагеря.

Весь лагерь былъ разбитъ на довольно большое количество маленькихъ лагерей. Такъ, были лагеря ревельской дружины, юрьевской дружины, русскихъ дружинъ, волчатскій лагерь, лагерь для иностранцевъ и др. Каждый такой лагерь имѣлъ свою мачту для флага. Въ центрѣ былъ, такъ сказать, правитель-

Рижские скауты в лагерь.

Раздача обѣда.

ственный лагерь, гдѣ находилась палатка коменданта и начальника лагеря, красный крестъ, буфетъ и почетныя учрежденія. На площади этого лагеря

производились обыкновенно лагерныя церемоніи (подъемъ и спускъ флага), а также бесѣды у костра. У входа въ лагерь находилось лагерное бюро, гдѣ давались необходимыя справки о лагерѣ.

Церемонія открытія лагеря происходила слѣдующимъ образомъ:

Всѣ отряды выстроились квадратомъ (вѣрнѣе, подковой). Подъ звуки эстонскаго гимна были подняты на главной мачтѣ флагъ, одновременно съ которымъ поднялись и всѣ прочіе флаги въ лагерѣ.

Затѣмъ, отъ имени главы государства, привѣтствовали скаутовъ въ ихъ лагерѣ пом. министра образованія. Передавались привѣтствія и отъ другихъ лицъ и организаций, читался приказъ по лагерю и т. д. Закончилась церемонія церемониальнымъ маршемъ организациіи. Эстонская организациія гораздо меньше нашей и, повидимому, находится въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Особнякомъ стоятъ 2 русскія дружины. Одна — Георгіевская дружина — существуетъ самостоятельно. Обѣ русскія дружины — въ состояніи дѣятельной работы и ведутся опытными руководителями, получившими свое скаутское воспитаніе еще въ Россіи. Лагери этихъ дружинъ и лагерь ревельской сводной дружины отличались своей устроенностью. Несмотря на сравнительно небольшую величину Ревеля, число русскихъ скаутовъ превышаетъ 250.

На второй день нашего пребыванія въ лагерѣ должно было состояться въ присутствіи главы государства торжественное зажиганіе лагернаго костра. Около 9 ч. 30 м. вечера скауты и публика уже окружали его плотнымъ кругомъ, въ центрѣ котораго виднѣлась небольшая куча хворосту, приготовленная для зажиганія.

Какъ только глава государства появился въ кругу, воцарилась тишина. Изъ рядовъ выдѣлились семь темныхъ фигуръ, закутанныхъ въ одѣяла. Они медленно прошли къ приготовленному для зажиганія костру и встали вокругъ него. Все это происходило въ полнѣйшей тишинѣ. Внезапно одинъ изъ нихъ сбросилъ одѣяло и поднялъ руки вверхъ. Это былъ зажигатель огня. Одѣтъ онъ былъ въ широкое красное одѣяніе съ изображеннымъ на немъ большимъ краснымъ костромъ. Онъ медлен-

Рижскіе скауты въ лагерѣ.

Флотъ 3-го отряда.

но запѣлъ какую-то пѣсню, которая все усиливалась, крѣпла, и наконецъ ее подхватили остальные 6 участниковъ церемоніи. Послѣ этого наступило молчаніе, во время котораго зажигатель огня медленно и торжественно зажегъ первый костеръ. Такъ же торжественно, какъ пришли, зажигатели огня удалились за кругъ. Церемонія зажиганія костра была кончена — началась программа. Программа была очень живо и интересно составлена и могла доставить удовольствіе не только зрителю-скауту, но и лицу, ничего общаго съ скаутизмомъ не имѣющему.

Игралъ превосходный струнный оркестръ Георгіевской русской дружины, выступали съ интересными номерами волчата и др.

Приѣхавшій глава государства привезъ въ качествѣ подарка кучу коробокъ съ шоколадомъ, которыя и раздавались въ перерывахъ.

Программа кончилась поздно ночью.

Въ продолженіе всего jamboree происходили состязанія на лучшую дружину Эстоніи.

Мнѣ удалось видѣть изъ нихъ состязанія въ плаваніи и перетягиваніи каната. Первое происходило въ бассейнѣ, который находился въ рѣкѣ, недалеко отъ лагеря.

6 скаутовъ въ формѣ выстроились на мосткахъ бассейна, готовые прыгнуть въ воду. Судья уже готовъ былъ дать сигналъ, но одинъ изъ состязающихся не выдержалъ и прыгнулъ за нѣсколько секундъ до сигнала. За нимъ, какъ лягушки, поскакали и другіе. Ихъ вер-

нули, и мокрые они снова выстроились въ линію. Судья подаль сигналъ, и б тѣль разомъ плюхнулись въ воду.

Публика принимала живѣйшее участіе въ состязаніяхъ и криками поощряла своихъ фаворитовъ. Затѣмъплыли волчата, сопровождаемые не меньшимъ гамомъ публики. Не меньшій, если не большій шумъ былъ и на перетягиваніи каната.

Что особенно правилось намъ, это — обиліе байдарокъ. Почти каждый вечеръ мы съ часокъ проводили на рѣкѣ. Однажды даже мы возымѣли дерзкое желаніе проѣхать на байдаркахъ къ острову Нарге, находящемуся отъ лагеря километровъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти по морю. Но, проѣхавъ съ 1½ километра, мы принуждены были повернуть обратно, употребивъ всего на путешествіе около четырехъ часовъ времени. Чрезвычайно тяжело обстоялъ вопросъ съ ѣдой, такъ какъ желудки были тѣ же, что и дома, а количество пищи приходилось поглощать впятеро большее.

Напримѣръ, однажды послѣ лагернаго ужина (уже самого по себѣ сытнаго), мы получили приглашеніе отъ финляндскихъ скаутовъ. Поѣвъ и попивъ тамъ, мы должны были идти къ имковскимъ скаутамъ, гдѣ получили опять обильное уго-

щеніе. День пришлось кончить у скаутовъ Таллина (Ревеля), гдѣ опять былъ чай.

Во время этихъ посѣщеній процвѣтала мѣновая торговля звѣздочками, значками и т. п. вещами. Особенно старались въ этомъ дѣлѣ эстонскіе волчата.

Въ день нашего отъѣзда изъ лагеря около нашихъ палатокъ собралась толпа провожающихъ. Послѣ торжественнаго спуска нашего флага, мы думали тронуться въ путь, но не тутъ-то было. Намъ загородили дорогу фотографическими аппаратами.

Мы становились въ группу, снимались, проходили пять шаговъ, снова снимались и такъ до конца лагеря.

Довольные, что пробрались сквозь массу фотографовъ, мы размѣстились въ автомобилѣ, сверху закидали себя вещами и въ видѣ живой пирамиды, конвоируемые нашими 2 роверами (ст. скауты), на велосипедахъ (они приѣхали въ Эстонию изъ Латвіи на велосипедахъ), помчались къ вокзалу. Взять билетъ штука недолгая, и вотъ въ 6 часовъ вечера мы на перронѣ. Поѣздъ даетъ свистокъ. Намъ снимаютъ еще разъ, и мы покидаемъ гостеприимный Ревель.

Скаутъ-инспекторъ

Георгій Буковскій.

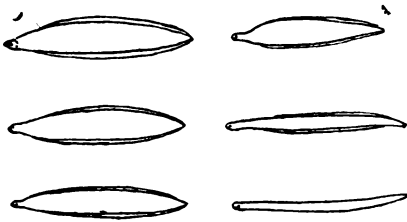
ОБО ВСЕМЪ ПОНЕМНОГУ.

Угорь.

Трудно повѣрить, что развитіе угря этой издавна всѣмъ хорошо извѣстной рыбы, оставалось тайной до сравнительно очень недавняго времени. Гдѣ угорь мечетъ икру, какой видъ имѣютъ его мальки, и гдѣ они подрастаютъ, — все это были вопросы, оставшіеся открытыми.

Уже давно была извѣстна страннаго вида угреподобная рыба лептоцефаль, въ большомъ числѣ встрѣчающаяся въ Средиземномъ морѣ. Послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой книги Дарвина «Происхожденіе видовъ» и припѣтіи большинствомъ ученыхъ выдвинутаго этимъ ученымъ положенія о томъ, что суще-

ствующія животныя и растенія произошли отъ существовавшихъ раньше болѣе простыхъ формъ — лептоцефаль считался родоначальникомъ угря или весьма близкимъ къ предполагаемому его родоначальнику. Еще въ девяностыхъ годахъ итальянскіе ученые Баттиста Грасси и С. Каландруччіо высказали мнѣніе, что лептоцефаль вовсе не современный предокъ угря, а самъ угорь, въ его личиночномъ состояніи, но только изслѣдованія датскаго ученаго Юганна Шмидта, произведенныя имъ въ 1904-1906 г.г. окончательно подтвердили это предположеніе и выяснили, гдѣ происходитъ размноженіе угря.

Развитіе угря.

По достиженіи полного возраста, угри покидаютъ наши рѣки и отправляются въ дальнее путешествіе въ Атлантическій океанъ, откуда уже не возвращаются назадъ.

Тамъ, въ западной его половинѣ, они отыскиваютъ подвижное саргассово море*) и мечутъ икру въ верхнихъ слояхъ

*) Этому интересному явленію будетъ посвященъ очеркъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашего журнала.

Море, въ которомъ нельзя утонуть.

Такое море существуетъ въ странѣ, которая извѣстна была человѣчеству съ древнѣйшихъ временъ. Это знаменитое Мертвое море Палестины. Воды его необыкновенно солены, настолько, что въ нихъ не можетъ жить ни одно живое существо. Знойный бездождный климатъ Палестины вызываетъ сильное испареніе воды съ поверхности озера. Но испаряется только чистая вода, всѣ же растворенныя соли остаются въ озерѣ и увеличиваютъ соленость ея воды. Вотъ почему вода Мертваго моря содержитъ не 2 или 3 процента соли (по вѣсу), какъ большинство морей и океановъ, а 24 процента. Иначе говоря: четвертую часть содержимаго Мертваго моря составляютъ соли, растворенныя въ водѣ.

Густая соленость воды Мертваго моря связана съ одной любопытной особенностью ея: она значительно тяжелѣе обыкновенной морской воды. Утонуть въ такой тяжелой жидкости нельзя: человѣческое тѣло легче ея. Вѣсъ нашего тѣла меньше вѣса, равнаго объему густо-соленой воды, и, слѣдовательно, по закону Архимеда, человѣкъ не можетъ потонуть въ Мертвомъ морѣ; онъ всплываетъ въ немъ, какъ всплываетъ въ соленой водѣ куриное яйцо (которое въ прѣсной, какъ извѣстно, тонетъ).

Вотъ относящіяся сюда цифры: средний удѣльный вѣсъ человѣческаго тѣла

воды. Послѣ метанія икры, старыя рыбы погибаютъ, а изъ икры появляются мелкія рыбешки, снабженныя большими роговыми зубами; зубы исчезаютъ, когда рыба достигаетъ величины въ 7 сантиметровъ. Съ потерей зубовъ рыба перестаетъ ѣсть и пускается въ дальнее путешествіе, какъ и ея родители, только въ обратномъ направленіи. Путь этотъ совершается долго, такъ какъ рыба пользуется теченіемъ Гольфштрема, и она постепенно принимаетъ видъ угря, какимъ и подплываетъ къ берегамъ Европы. За все это время (почти годъ) рыба не принимаетъ никакой пищи. Прибывъ весной къ берегамъ Европы, угорь покидаетъ море и поднимается по рѣкамъ, въ которыхъ и проводитъ свою жизнь до достиженія зрѣлаго возраста.

— 1,06 (по Ранке). Это значитъ, что человѣческое тѣло, въ среднемъ, только на 6 проц. тяжелѣе вѣса такого же объема воды. Слѣдовательно, — по закону Архимеда, — въ водѣ, содержащей по вѣсу болѣе 6 проц. соли, человѣческое тѣло не можетъ утонуть.

Знаменитый юмористъ Маркъ Твэнъ, посетившій это озеро-море, съ комичной обстоятельностью описываетъ тѣ необычайныя ощущенія, которыя онъ и его спутники испытали, купаясь въ тяжелыхъ водахъ Мертваго моря:

«Это было забавное купаніе. Мы не могли утонуть. Здѣсь можно вытянуться на водѣ во всю длину, лежа на спинѣ и сложивъ руки на груди, при чемъ большая часть тѣла будетъ оставаться надъ водой. При этомъ можно совсѣмъ поднять голову... Вы можете лежать очень удобно на спинѣ, поднимая голову и ноги къ подбородку и охвативъ ихъ руками, — но вскорѣ перевернетесь, такъ какъ голова перевѣшиваетъ. Вы можете встать на голову — и отъ середины груди до конца ногъ будете оставаться внѣ воды; но вы не можете долго сохранять такое положеніе. Вы не можете плыть на спинѣ, подвигаясь сколько-нибудь замѣтно, такъ какъ ноги ваши торчатъ изъ воды, и вамъ приходится отталкиваться только пятками. Если же вы плывете лицомъ внизъ, то подвигаетесь не

впередъ, а назадъ. Лошадь такъ неустойчива, что не можетъ ни плавать, ни стоять въ Мертвомъ морѣ — она тотчасъ же ложится на бокъ».

Человѣкъ на поверхности Мертваго моря.

На прилагаемомъ рисункѣ вы видите туриста, довольно удобно расположившагося на поверхности воды Мертваго моря; большой удѣльный вѣсъ густо-соленой воды позволяетъ ему, лежа въ такой позѣ, читать книгу, защищаясь зонтикомъ отъ жгучихъ лучей палестинскаго солнца.

Такими же свойствами, — только не въ столь сильной степени, — обладаетъ, говорятъ, и густо-соленая вода въ маленькомъ Илецкомъ озерѣ, близъ города Илецка; Оренбургскаго уѣзда.

Нѣчто въ этомъ родѣ приходится испытывать тѣмъ больнымъ, которые принимаютъ соленыя ванны.

Современный водолазь.

Трудно найти болѣе тяжелую работу, чѣмъ трудъ водолаза. По сравненію съ нимъ, работа въ угольныхъ копанияхъ — райскій отдыхъ, и между тѣмъ находятся люди, всю жизнь свою посвящающіе этому труду.

Спасибо техникѣ: она улучшаетъ съ каждымъ годомъ водолазные аппараты. Это, если и мало облегчаетъ самый трудъ водолаза, зато уменьшаетъ опасность для жизни.

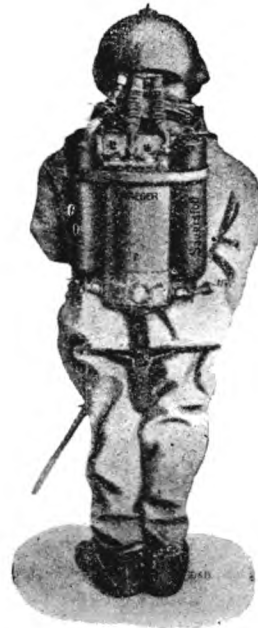
Недавно еще жизнь водолаза зависѣла отъ исправности резиновой трубки, по которой сверху накачивался въ водолазный шлемъ воздухъ. Сейчас водолазь не зависитъ отъ трубки: онъ снабженъ очень остроумнымъ аппаратомъ, дающимъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ, независимо отъ внѣшняго міра.

На рисункѣ видно, какимъ образомъ приборъ этотъ прикрѣпленъ къ водолазу. Онъ напоминаетъ собою походный ранецъ солдата и сообщается со шлемомъ прочными эластичными трубками.

Сущность этого прибора сводится къ слѣдующему: выдыхаемый водолазомъ воздухъ по трубкѣ С 1 попадаетъ въ резервуаръ Р, гдѣ очищается отъ углекислаго газа и автоматически пополняется кислородомъ въ количествѣ, необходимомъ для дыханія.

Свѣжій воздухъ непрерывно притекаетъ къ водолазу по трубкѣ С 2, и онъ дышитъ такъ же легко и свободно, какъ дышимъ мы на поверхности земли.

На груди водолаза виденъ еще резервуаръ С. З. Онъ вѣситъ 15 килограммовъ и служитъ равновѣсомъ для тяжести, находящейся сзади и, кромѣ то-

Водолазь въ снаряженіи.

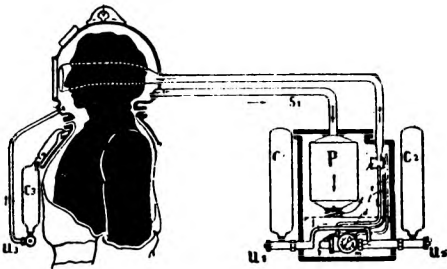
го, для уменьшенія сгущенія въ шлемѣ воздуха, вызываемаго давленіемъ воды.

Снаряженіе водолаза снабжено часами, манометромъ для опредѣленія глубины и телефономъ, соединяющимъ съ судномъ.

Кромѣ описанныхъ усовершенствований снаряженія водолаза, работу ему облегчаетъ особый приборъ — своеобразный подводный экипажъ, сооруженный въ видѣ саней.

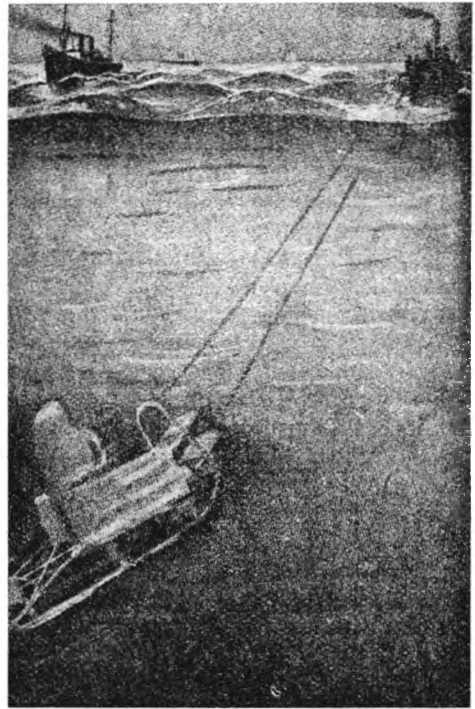
Въ этомъ экипажѣ водолазъ погружается на дно морское; этотъ же экипажъ, прикрѣпленный къ пароходу проволочными канатами, позволяетъ перевозить водолаза съ одного мѣста работы на другое. На рис. 3 изображено такое подводное путешествіе водолаза.

Однако, несмотря на усовершенствованія водолазной техники, водолазъ и сегодня не въ состояніи погружаться на

Разрѣзъ водолазнаго аппарата.

глубину свыше 100 метровъ. Эта глубина — предѣлъ того, что можетъ выдержать человѣческій организмъ. Все дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не удалось найти способа преодолѣть давленіе, которое приходится выдерживать водола-

Подводное путешествіе водолаза.

зу. На глубинѣ 10 метровъ давленіе это равняется одному килограмму на одинъ квадратный сантиметръ; съ увеличеніемъ глубины увеличивается и давленіе, способное расплющить человѣка въ лепешку на глубинѣ 500 метровъ.

Г. П.

Курьезы жизни.

Прочная краска.

Смотритель дома для призранія бѣдныхъ въ Портландѣ, въ штатѣ Орегонъ, перекрасилъ цинковую ванну эмалью, купленной въ мѣстной лавкѣ, гдѣ его увѣрили, что составъ хорошо засохнетъ. Дня черезъ два послѣ того, онъ принялъ теплую ванну, во время которой, улегшись съ удобствомъ въ водѣ, крѣпко заснулъ. Проснувшись, онъ къ своему ужасу почувствовалъ, что его волосы, спина и ноги крѣпко прилипли къ ваннѣ. Звонка достать онъ не могъ; дверь была заперта. Оставалось только одно — кричать. Пришлось взломать дверь. Однако даже послѣ этого было чрезвычайно трудно и мучительно освободить его

изъ ванны, а когда это было сдѣлано, ему потребовалась медицинская помощь.

Медицинская ошибка.

Медицинская ошибка была причиной того, что одинъ американецъ, по фамиліи Эрли, очутился въ такомъ скверномъ положеніи, хуже котораго и представить себѣ нельзя. Джонъ Эрли, служившій простымъ солдатомъ въ американскомъ войскѣ, послѣ увольненія съ военной службы, поступилъ рабочимъ на бумажную фабрику въ Сѣверной Каролинѣ.

Вредныя испаренія, которымъ онъ подвергался во время работы, причинили ему болѣзнь, симптомы которой выражались въ краснотѣ и опухоли лица, рукъ

и ногъ. Эрли былъ вынужденъ прекратить работу и отправился въ Вашингтонъ, гдѣ надѣялся выхлопотать себѣ пенсію. Тѣмъ временемъ опухоль увеличилась, такъ что онъ обратился къ доктору.

— Надѣюсь, это не проказа, докторъ? — шутя сказалъ онъ доктору, показывая опухоль.

Ему и въ голову не приходило, сколько безпокойства и мученія причинить ему это невинное замѣчаніе. Какъ на бѣду случилось, что незадолго передъ тѣмъ были открыты два случая проказы — одинъ въ Вашингтонѣ, другой въ Нью-Йоркѣ, и докторъ, очевидно, вообразилъ, что болѣзнь Эрли представляетъ собой третій случай этого страшнаго недуга. Онъ вышелъ изъ комнаты, залпировъ за собой дверь. Въ часъ дня онъ вернулся вмѣстѣ съ другимъ докторомъ. Оба они велѣли Эрли встать, одѣться и сѣсть въ больничную карету, ожидавшую у дверей дома. Эрли спросилъ, что съ нимъ намѣрены дѣлать, но не получилъ никакого отвѣта. Ему ничего другого не оставалось, какъ повиноваться, поэтому онъ сѣлъ въ больничную карету, которая отправилась съ нимъ неизвѣстно куда.

На разсвѣтѣ карета остановилась, и онъ увидѣлъ палатку, разбитую на берегу рѣки, которую караулили два солдата. Они сказали ему, что никому не дозволено подходить къ нему ближе, чѣмъ на десять футовъ. Эрли попросилъ позволенія написать своей женѣ. Но докторъ взялъ у него письмо.

— Я передамъ вашей женѣ, что въ немъ написано, — сказалъ онъ, — потому что ни одному человѣку нельзя касаться того, что было у васъ въ рукахъ.

Произнесши этотъ утѣшительный разговоръ, докторъ уѣхалъ.

Цѣлый годъ несчастный Эрли жилъ въ строжайшемъ заключеніи, совершенно отрѣзанный отъ всякаго общенія съ людьми. Если бы не жена, онъ и до конца жизни пробылъ бы тамъ. Но жена не жалѣла ни силъ, ни средствъ, добиваясь новаго свидѣтельства мужа. Наконецъ ей удалось убѣдить одного извѣстнаго специалиста по кожныхъ болѣзнямъ навѣстить Эрли.

Знаменитый докторъ не нашелъ у несчастнаго рѣшительно никакой заразной или прилипчивой болѣзни.

Случай съ полицейскимъ.

Ошибки, которыя дѣлають телеграфисты, часто ведутъ къ страннымъ, а подчасъ и къ бѣдственнымъ результатамъ. Забавный случай произошелъ въ Сентъ-Жиммѣ, близъ Анжера.

Мэръ деревни Шоле просилъ полицейскаго и еще одного человѣка отвезти помѣшаннаго, по фамиліи Легранъ, въ домъ умалишенныхъ въ Сентъ-Жиммѣ.

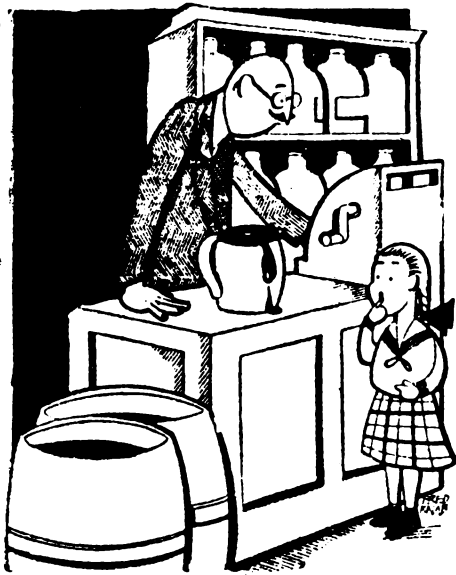
Помѣшанный оказался полицейскому человѣкомъ съ совершенно здравымъ разумомъ, и это заставило его сильно опасаться, какъ бы человѣкъ этотъ не сталъ сопротивляться, замѣтивъ, что его хотять посадить въ домъ умалишенныхъ. Поэтому онъ остановился въ стоявшей близъ дороги гостиницѣ и потребовалъ крѣпкихъ напитковъ для себя и своихъ спутниковъ, намѣреваясь напоить допьяна помѣшаннаго, чтобы онъ не сопротивлялся по приѣздѣ на мѣсто своего назначенія.

Результатъ этой затѣи легко было предвидѣть: не только помѣшанный, но и оба другихъ прибыли въ домъ умалишенныхъ въ томъ состояніи, когда, какъ говорится, «море по колѣно». Всѣ трое были совершенно невмѣняемы, и надзиратель никакъ не могъ понять, который изъ нихъ помѣшанный.

Чтобы удостовѣриться въ этомъ, онъ телеграфировалъ мэру въ Шоле. Мэръ отвѣтилъ однимъ словомъ «Легранъ». Но въ телеграммѣ стояло два слова «Легранъ», что значитъ «Высокій». Полицейскій, одѣтый въ штатское платье, оказался гораздо выше другихъ и былъ тотчасъ же посаженъ въ одиночную камеру, между тѣмъ какъ двое другихъ, въ томъ числѣ и настоящій помѣшанный, были отпущены. Протрезвившись, несчастный полицейскій принялся, конечно, горячо протестовать, на что, однако, не обратили никакого вниманія. Цѣлыхъ четыре дня пробѣсновался онъ въ своей камерѣ, пока не выяснилась ошибка телеграфа.

Ю М О Р Ъ.

Лавочникъ: — Ну вотъ, милая барышня, получи свою пачку. Мамапа спечетъ тебѣ цѣлую кучу чудесныхъ пряниковъ. Теперь плати денежки.

Дѣвочка (растерянно): — Денежки... денежки остались въ кружкѣ.

Дипломатическій отвѣтъ.

Одинъ англійскій король, очень любившій музыку, бралъ уроки у знаменитаго скрипача. Однажды онъ попросилъ своего учителя высказать свое мнѣніе о томъ, какъ подвигаются его успѣхи. Скрипачъ замаялся было, но король настойчиво повторилъ свою просьбу:

— Забудьте, что вы говорите съ вашимъ монархомъ, отвѣтите мнѣ просто, какъ вашему восторженному поклоннику и ученику.

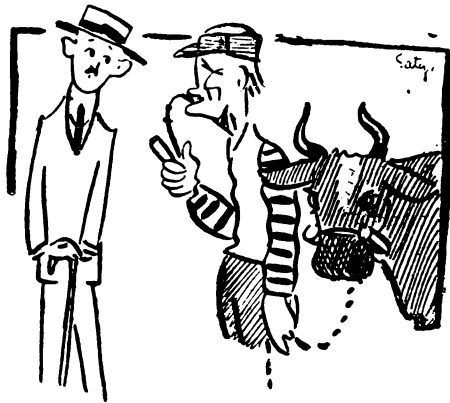
— Не смѣю ослушаться, Ваше Величество, — сказалъ скрипачъ. — Всѣхъ скрипачей можно раздѣлить на три группы: къ первой группѣ относятся тѣ, которые вообще не умѣютъ играть, ко второй тѣ, которые играютъ плохо, и, нако-

нецъ къ третьей — хорошіе музыканты. Ваше Величество уже можетъ быть отнесено ко второй группѣ.

Смышленный дурачокъ.

Въ одномъ городкѣ жилъ дурачокъ, который служилъ предметомъ насмѣшекъ всѣхъ окружающихъ. Особенно забавляла жителей городка одна шутка. Дурачку предлагали на выборъ большую серебряную и мелкую никелевую монету, и бѣдняга неизмѣнно выбиралъ себѣ маленькую монетку. Однажды одинъ пріѣзжій докторъ остановилъ дурачка на улицѣ и спросилъ его, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ, какая монета лучше?

Дурачокъ хитро подмигнулъ доктору и отвѣтилъ: — Еще бы не понять! Только если бы я хоть одинъ разъ выбралъ большую монету, то никто не подумалъ бы испытывать меня больше.

Горожанинъ: — Сколько лѣтъ твоей коровѣ?

Крестьянинъ: — Два года.

Горожанинъ: — А какъ это можно узнать?

Крестьянинъ: — Да по рогамъ...

Горожанинъ: — (задумчиво): А и вѣрно — у нея два рога.

КОНКУРСЪ ЗАДАЧЪ.

Задача № 33.

Если мы возьмемъ нѣкоторыя слова русскаго языка и прочтемъ ихъ не слѣва направо, какъ насъ учили въ школѣ, а наоборотъ — справа налѣво, то мы убѣдимся, что и такъ, и этакъ получается одно и то же слово, одинъ и тотъ же смыслъ. Такія слова называются анаграммами.

Такихъ словъ въ русскомъ языкѣ довольно много, на примѣръ: АННА, КА-ЗАК, ШАЛАШ. Существуетъ даже нѣсколько фразъ, такъ составленныхъ, что ихъ можно прочесть въ обоихъ направленьяхъ: **а роза упала на лапу азора**, или — **я иду съ мечемъ судия**.

Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы написать возможно большее количество такихъ словъ, но не меньше 20.

Склоненіе словъ не допускается, т. е. всѣ имена существительныя, имена собственные, должны быть взяты въ именительномъ падежѣ. Не годятся слова, начинающіяся твердой согласной буквой и кончающіяся мягкой, какъ на примѣръ: ТАТЬ (воръ). Не допускается пользованіе глаголами; не засчитываются слова, состоящая всего изъ одной буквы: **и, а, къ** и проч., впрочемъ, и безъ нихъ можно насчитать въ русскомъ языкѣ свыше 50 такихъ словъ, поэтому найти 20 словъ не такъ уже трудно.

За правильное рѣшеніе задачъ будутъ выданы 5 премій, изъ нихъ двѣ первыя преміи (за наибольшее число словъ) будутъ состоять изъ только что выпущеннаго нами отдѣльнаго изданія «**Дневника проназника**» въ красивыхъ коленкорovýchъ переплетахъ съ золотыми корешками.

Срокъ присылки отвѣтовъ — 15 сентября. Къ рѣшенію долженъ быть приложенъ талонъ № 33.

Рѣшенія крестообразной задачи № 31 (помѣщенной въ № 12 журнала).

Значеніе словъ:

Горизонтально: 1. Жермонъ, 3. творогъ, 6. Рубиконъ, 8. Угличъ, 10. цапля, 12. Слово, 14. вѣтеръ, 15. ликеръ, 18. чуланъ, 20. митра, 22. кража, 23. живодезь, 24. рапира, 25. Сократъ.

Вертикально: 1. жемчугъ, 2. обручъ, 4. вѣнецъ, 5. гаюлянъ, 7. игрокъ, 9. лживость, 11. прорѣхъ, 12. смертъ, 13. Оріонъ, 16. олово, 17. омофоръ, 19. батистъ, 21. Алжиръ, 22. корсо.

Правильныя рѣшенія прислали:

Бравинъ Давидъ, Бѣлосельская Миллица, Васюкова Александра (Двинскъ), Волкова Ирина (Югославія, Дравоградъ), Вульфсонъ Морисъ, Гейманъ (Мурзилка), Даниловъ-Милковскій Алекс., Де-Гаазъ Нина, Залманъ-Лившинъ, Кеппенъ Михайль (Берлинъ), Киссинъ Давидъ, Крюковъ Георгій (Сербія, Нишъ), Лабутины Борисъ и Алекс., Лившицъ М. (Рѣжица), Марковичъ Самуиль, Мухарскій Олегъ (Двинскъ), Никаноровъ Анатолій, Паулинъ Тата, Рабиновичъ Яковъ, Рындинъ Алексѣй (Юрьевъ), Савченко Владиміръ (Югославія, Бѣла Крова), Фалькенштейнъ Ефимъ (Рѣжица), Федосѣевъ Павелъ, Штейнманъ Самуиль. (Лица, послѣ фамилій которыхъ не указанъ городъ, проживаютъ въ Ригѣ или на Рижскомъ Въморѣ).

Получили (по жребію) **пять премій** (сборники «Родина»):

1. Волкова, Ирина, Югославія, Словенія Дравоградъ. 2. Де-Гаазъ Нина, Рига, Маринская 4, кв. 7. 3. Паулинъ Тата, Маюренгофъ, Рижск. № 37. 4. Рындинъ Алексѣй, Юрьевъ, Яковлевская 4, кв. 4. 5. Фалькенштейнъ Ефимъ, Рѣжица, Вокзальная № 4.

Изящныя крышки для переплета первых
двухъ томовъ журнала

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

Т. I (№№ 1—6), Т. II (№№ 7—12)

а также и для бесплатнаго приложенія „**ДНЕВНИКЪ ПРОКАЗНИКА**“

можно выписывать (или приобрѣтать) изъ конторы журнала:

Riga, Valdemara ielā 63.

==== **Цѣна каждой крышки одинъ латъ.** ====

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Сборники журн. „Юный Читатель“

въ изящныхъ полуколенкоровыхъ
переплетахъ съ золот. тисненіемъ

„Юный Читатель“ сборн. I, ц. Ls 4.—

„ „ „ II, „ „ 4.—

„Дневникъ прсказника“

романъ изъ жизни америк. маль-
чика съ иллюстр. худ. Г. Дайбера

въ переплетѣ, цѣна Ls. 2.50

безъ переплета, „ „ 2.—

Выписывающіе изъ конторы журнала: Rigā, Valdemara ielā 63

==== за пересылку не платятъ. ====

Для зубовъ

**Лишь содержаніе этой тубы
Вамъ сохранить и ротъ и ЗУБЫ.**

Вниманію участниковъ конкурсовъ.

Идя навстрѣчу желаніямъ г.г. подписчиковъ, редакція наша возможнымъ видоизмѣнить для нихъ правила участія въ конкурсахъ. Г.г. подписчики могутъ не присылать конкурсныхъ талоновъ, а сообщая рѣшенія задачъ, указывать № своей подписной квитанціи или срокъ подписки и фамилію.

Издательство „САЛАМАНДРА“

Продолжается подписка на 2-е полугод. 1926 г.

===== на журналъ =====

для семьи и юношества

Юный Читатель

12 богато иллюстрированныхъ книжекъ журнала, бесплатное приложеніе: романъ Л. Кормчаго „Сѣрый домикъ“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера и множество премій по конкурсамъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 6 латъ (300 руб.).
За границей 1 дол. 75 центовъ.

Адресъ редакціи и конторы: РИГА, Вальдемарская улица № 63.
Тек. счетъ на почтѣ 917.

Третій талонъ большого конкурса „ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“.

Имя и фамилія

Адресъ

Количество снимковъ

Срокъ отправки талона 5-е сентября с. г.

Изданія Акц. Об-ва Печатн. Дѣла „САЛАМАНДРА“, Б. Кузнечная, 43.

„Перезвоны“
Литературно - худож. иллюстр.
журналь.
Цѣна № — 1 лать.

„Юный Читатель“
Журналь для семьи и юно-
шества.
Цѣна № — 60 сантимовъ.

„Новая Недѣля“
иллюстрирован. еженедѣльникъ
Цѣна № — 30 сент.

Дешевая библиотѣка.
(Капитанская дочка, Тарась
Бульба, 2 выпуска Вечеровъ на
хуторѣ близъ Диканьки и т.д.)
Выпускъ — 60 сантимовъ.

„Родина“
Сборникъ ко дню Русской
Культуры.
(4 цвѣтныхъ илл. и 60 одноцвѣтныхъ).
Цѣна — 1 лать.

„СЛОВО“
дневная, а по праздникамъ
утренняя газета.
№ — 10 сантимовъ.

Только пользуясь фотографическ. принадлежностями, купленными въ

„ОКО“

можно достигнуть побѣды на предстоящемъ конкурсѣ фотографовъ.

ОКО

— торговля оптическими и фото-
графическими принадлежностями.

Р и г а, бульваръ Аспазіи 8.

Фотографическіе аппараты отъ Ls. 7.50

Разъ сказано:

„NUGGET“

такъ только
его и неси!..

“NUGGET”

Школьники!

Ранцы, сумки, ученичesk. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.